Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Предисловие.

Этот сборник, имеет своею целью рассказать о славных походах, подвигах и героях 24-ой Железной Дивизии.

Дивизии 9 лет, но какой громадный и блестящий путь пройден за этот срок.

Сколько примеров изумительного самоотверження и храбрости, проявленных рабочим Урала и крестьянином Поволжья, дравшимися под руководством коммунистической партии за власть Советов, за право по своему, без помещика и капиталиста, строить новую, социалистическую жизнь.

Дивизия умела драться, драться стремительно и безудержно, гоня врагов на сотни и даже тысячи верст, громя беспощадно банды Чехо-Словаков, Дутова, Каппеля, Колчака, неся все вперед и вперед Красные боевые знамена. В трудные минуты частичных поражений и отступлений Дивизия также никогда не теряла своей выдержки и твердости.

Она заслужила свое почетное название Железной, ибо всегда и везде она оставалась действительно железной силой, сокрушающей врагов революции.

9 боевых знамен получила Дивизия за бои и победы под Симбирском, Сенгилеем, Сызранью, Самарой, Бугурусланом, Бузулуком, Оренбургом, Чернобылем и Луцком. Несколько тысяч верст прошла Железная Дивизия, сметая на этом пути всех, кто протягивал хищническую руку против завоеваний Великого Октября.

На этом пути легли храбрейшие из храбрых, лучшие сыны рабочих и крестьян, отдавшие свои молодые жизни за торжество пролетарской диктатуры.

Им, дорогим друзьям и братьям, вырванным из наших рядов вражеской пулей, им, славным героям, посвящается настоящий скромный сборник.

Сейчас все сильнее и сильнее звучат призывные кличи быть на стороже.

Сейчас все злее и бешеннее капиталистический мир готовится к удушению пролетарского государства—этого подлинного отечества порабощенных и угнетенных всего мира.

Пусть, прочтя сборник, каждый воодушевится железной решимостью к дальнейшим боям с врагами, точащими зубы против СССР.

Быть на чеку, крепить революционную дисциплину, учиться, учиться и учиться, чтобы сплотившись вокруг знамен Коммунистической Партии, стремительно и победно ударить в нужную минуту по врагу,—вот ответ достойный славных подвигов 24-ой Самаро-Ульяновской Стрелковой Железной Дивизии.

Политический отдел 24-й дивизии.

ГК445 Р
Д254
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спецфонд
С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.
сф
2536
190313
190.313

Тов. Г а я.

Основоположник и первый начдив 24-ой железной.

Гая Карапетович Бежишкянц—бывший армянский дружинник. За выдающуюся храбрость награжден всеми боевыми орденами и дошел до должности батальонного командира.

Став первым начальником Железной Дивизии, т. Гая проявил себя, как неутомимый и мужественный командир.

В партизанский период войны т. Гая завоевал огромную популярность среди красноармейцев личным мужеством и энергией.

В 1-ой армии он стал известен после удачного прорыва из под Сенгилея, где отряд его в 2—3 тысячи человек оказался в чехо-словацком кольце.

Гая с боем вывел благополучно весь свой отряд, состоявший из закаленных и стойких добровольцев—партизан.

Отряд этот составил боевое ядро Симбирской Железной Дивизии прославившейся суворовскими переходами и рядом последовательных завоеваний городов: Симбирска,Сенгилея, Буинска, Ставрополя, Тетюшей, Бугуруслана, Бузулука, Оренбурга и Орска.

Впоследствии, на польском фронте, тов. Гая приобрел огромную известность, как выдающийся командир конного корпуса.

Тов. Гая член Армянской Коммунистической партии.

БОЕВЫЕ и ШЕФСКИЕ ЗНАМЕНА

24-й железной дивизии.

БОЕВОЙ ПУТЬ 24-й ЖЕЛЕЗНОЙ.

Политическое положение РСФСР в июне 1918 г.

В июне 1918 года тяжелые тучи нависли над молодой Советской Республикой. Со всех сторон наседали враги и, казалось, не справиться Советской власти с наступавшими международными хищниками. Украина стонала под железной пятой „вельможного“ гетмана Скоропадского; на Дону царил и угрожал Воронежу продавшийся немцам Краснов; Красный Царицын был накануне падения.

Вся Белорусия, Литва и Прибалтийский край были во власти немцев, покровительствовавших белогвардейцам всех мастей и принимавших деятельное участие в организации белогвардейских партизанских отрядов в пограничной зоне и даже в нашем тылу. В последней работе с немцами успешно соперничали слуги Антанты.

Нашими крайними рубежами на западе и юге были: Орша, Брянск, Унега, Курск;—Мурманский край был захвачен англичанами, грозившими Архангельску. Северный Кавказ был об'ят пожаром кровопролитной гражданской войны между бандами Бичеракова, наступавшими от Темир-Хан-Шуры на Владикавказ, и большевитскими войсками, мужественно отстаивавшими каждую пядь Советской територии. Центр и север изнемогли от продовольственного и транспортного кризисов, белогвардейские восстания вспыхивали в деревнях и городах. В Ярославле, Костроме, Тамбове, Кинешме, Иваново-Вознесенске, Шуе произошли мятежи на почве голода и подстрекательства подпольных организаций правых эс-эров и меньшевиков.

В это-то время на востоке, в Пензе, произошло возмущение чехо-словацкого корпуса, направлявшегося с юго-западного фронта через Владивосток на французский фронт. Подстрекаемые контр-революционными агитаторами и белогвардейскими офицерами, чехо-словаки отказались подчиниться приказу Наркомвоен о разоружении и, восстав, захватили в свои руки некоторые учреждения в Пензе и вокзал. Вытесненные вскоре из Пензы, они распространились по Сызрано-Вяземской ж.-д. дальше на восток и захватили Кузнецк и Сызрань. Против них были стянуты все имевшиеся в наличии красногвардейские силы, пущены были в ход все миролюбивые средства, но чешский командный состав, имея очевидно соответствующие инструкции от своих вдохновителей-российской и международной буржуазии, наотрез отказался от всяких переговоров и выкинул правоэсеровский лозунг: „Долой советы и комиссаров. Вся власть учредительному собранию!“ Таким образом чехо-словаки сделались орудием махинаций учредиловцев и своим выступлением активно вмешались во внутренние дела оказавшей им гостеприимство страны.

После взятия Сызрани под чешские знамена стали стекаться со всех сторон белогвардейцы: тут были помещичьи сынки-юнкера, жаждавшие мести за потерянную собственность и разгромленные имения, генералы без армий, сенаторы, изгнаные из сената, и всевозможные разновидности царских чиновников и контр-революционных офицеров, не могших при-

мириться с захватом власти большевиками и спешивших занять теплые местечка под сенью учредительного знамени. А в тылу чехов спешно сформировывалась уральская контр-революция и созидались колчаковские армии. Таким образом мало-по-мало возник чехо-словацкий фронт, который, несмотря на свои вначале незначительные размеры, причинил много затруднений и бедствий Советской России.

Из Сызрани чехи двинулись на восток одновременно по Волге и сушей.

Это продвижение было роковым для Самары.

Напрасны были усилия горсти партизан, образовавших несколько боевых дружин, отстоять красную Самару, они не в силах были противостоять отборным, раз'яренным войскам бело-чехов, действовавшим под командой опытных офицеров в то время, как красные добровольцы состояли на три четверти из наскоро обученных самарских рабочих.

Героизм отдельных личностей и целых отрядов был сломлен подавляющей численностью, прекрасно организованным и снабженным всем необходимым противником, и 9 июля остатки смельчаков вынуждены были частью сушей, частью на пароходах под градом свинца отступить от Самары по направлению к Ставрополю и Симбирску.

Формирование железной дивизии.

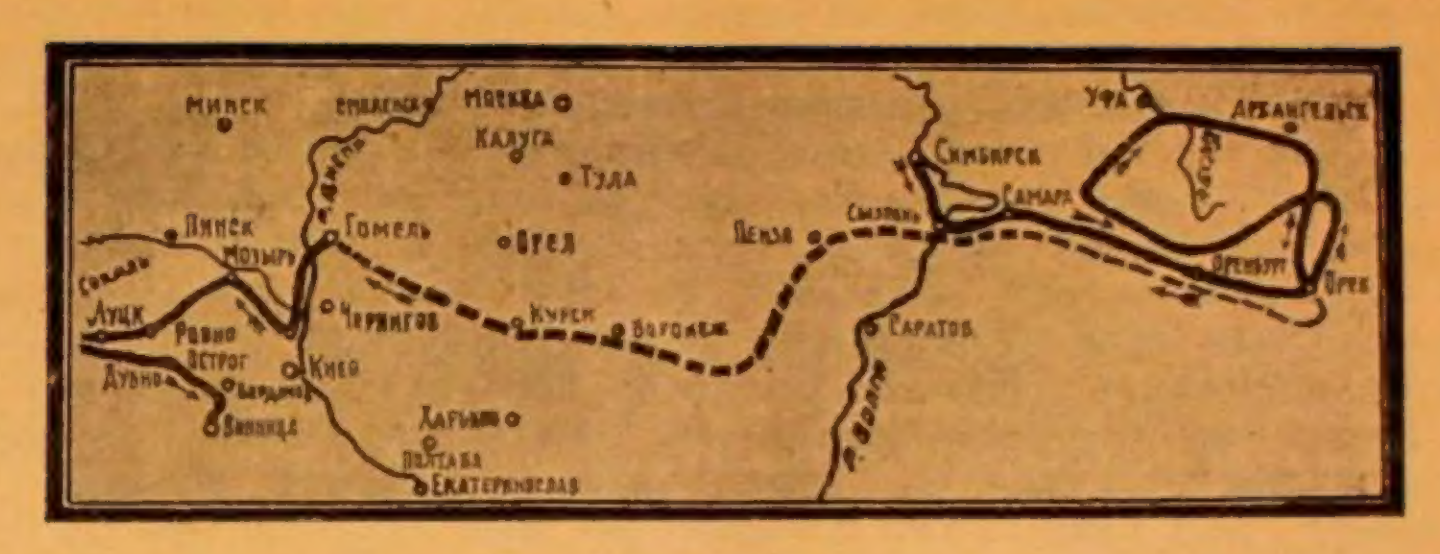
27-го июля 1918 года, когда отрядам Ставропольского и Сенгилеевского фронтов удалось выйти из охватившего их кольца чехо-словацких и примкнувших к ним белогвардейских войск в районе ст. Чуфарово и с. Аннекво (по железной дороге Инза-Симбирск), начала свое формирование 24-я Стрелковая Самарская Железная Дивизия, наименованная 1-й Сводной Симбирской пехотной дивизией, под командой бывшего начальника Самарских боевых дружин тов. Гая. Формирование велось наспех, в боевой обстановке, из войск, перенесших колоссальные трудности в боях, во время выхода из кольца, и при недостатке специалистов и имущества.

Ядром для формирования дивизии послужили мелкие отряды и дружины Ставропольского и Сенгилеевского фронтов, из которых и были сформированы 1 и 2 Симбирские пехотные полки, кавалерийский эскадрон и артиллерийская бригада.

Отряды, из которых сформирована дивизия, преимущественно состояли из добровольцев, в большинстве своем не служивших в армии и незнакомых с военным делом; поэтому боевая подготовка их была очень слабая. Дивизия вошла в состав 1-й Революционной армии Восточного фронта.

В виду усталости людей после продолжительного движения при выходе из кольца, ходивших панических слухов о поражении Красной армии, об окружениях и превосходстве сил противника, и других провокационных слухов, распускаемых темными элементами,—настроение красноармейцев было не веселое. Опровергать слухи являлось невозможным, так как связь и войсковая разведка были поставлены так плохо, что части не знали, что делается в соседних частях.

В эти тяжелые дни громаднейшую работу провели коммунисты, находившиеся в частях дивизии. Своей выдержкой, верой в победу, железным спокойствием и примерами храбрости они боролись со всеми особенностями волжских партизан, у которых причудливыми красками переплелись: безумная отвага и подверженность панике, любовь и преданность делу революции и отсутствие дисциплины, сознательность и разнузданность.

Боевой путь 24-й дивизии.

Первые бои.

2-го августа в распоряжение дивизии прибыл 1-й Витебский полк, затем последовательно прибыли Карачевский кавалерийский эскадрон и Курская бригада под нач. т. Азарха, состоявшая из полков Московского, Крестьянского и Орловского, которые были предназначены для наступления на Симбирск.

В ночь на 8-е августа на левый фланг дивизии, находившийся в с. Тетюшском, напал Георгиевский офицерский батальон белых. Бой длился до 11 час. утра. Наши части несколько раз переходили в штыковую контр-атаку, при чем особенно отличилась Смоленская батарея; оставшись без прикрытия, артиллеристы шашками отбили атаку и удержали за собой орудия.

В результате боя противник понес большие потери: среди убитых—8 офицеров, в том числе начальник отряда и н-к пулеметной команды; село осталось за нами. Нашими артиллеристами были захвачены четыре пулемета.

11-го августа, еще не вполне оправившись после утомительного боевого прорыва из-под Сенгилея, полки молодой дивизии были двинуты в наступление на Симбирск.

Наступление это было, однако, неудачным. Правый фланг, состоявший из 2-х Симбирских полков, успел благополучно продвинуться до с. Белые-Ключи, откуда был уже виден Симбирск, левый же фланг, где действовала Курская бригада, получив неожиданный удар в Погребах—Отрада, не выдержал и дрогнул: в частях началась паника. Ст. Охотничья, занятая было нами, подверглась бомбардировке неприятельского бронированого поезда, с которым вступил в единоборство наш бронированый поезд, после чего противник несколько отступил. Станция была перегружена составами, нехватало паровозов.

Многие бежали из вагонов, оставив на произвол судьбы свое и казенное имущество. Остановить бегущих не было никакой возможности, и волна их докатилась до ст. Чуфарово.

Ст. Охотничья вновь подверглась ожесточенному обстрелу; кавалерия противника, зашедшая нам в тыл у раз'езда Выры, вынудила штаб взорвать наш бронированный поезд и, бросив часть подвижного состава, отступить вместе с правым флангом через с. Воецкое к селу Поповке, откуда штаб вновь вернулся в с. Чуфарово. Даже во время этого неудачного похода было много эпизодов, рисующих геройство наших частей и неустрашимость начальников.

Вот как описывает член Реввоенсовета Республики т. Кобозев, один из эпизодов похода на Симбирск:

„Ночь. Станция Выры осталась за нами. Прибыл броневой поезд, один из тех, что панически отступал, начиная от Бугульмы.. Приказ т. Гая перейти в атаку... обычные отговорки трусов.

т. Гая берет с собой десять разведчиков и садится на броневой поезд. Едем. Верст через пять трусость команды броневого поезда достигает апогея—их свыше ста человек, два орудия, восемьнадцать пулеметов—как можно рисковать, а вдруг их неприятель отрежет, взорвет сзади путь, а потом расстреляет орудийным огнем. Дальше ехать отказываются. Остановились среди поля, далеко недоехавши до предназначенной цели—ст. Охотничьей. Тогда т. Гая слезает со своими разведчиками с поезда и со словами: „нам с трусливой сволочью не по дороге“ идет один вперед броневого поезда к ст. Охотничей. Небольшое колебание—и трусы устыдились, сначала потянулись, как побитая собака, сзади охотника, а потом начали уговаривать т. Гая, чтобы он сел снова на поезд, а не шел пешком“.

Другой эпизод:

„Во время моего приезда в Штаб дивизии т. Гая, получаем известие, что около ст. Выры две роты чехо-словаков со взводом артиллерии внезапным ночным нападением выбили нашу заставу из деревни и заняли ее. Т. Гая дает приказ своему взводу артиллерии из с. Тогая с левого фланга занять позицию и взять деревню под обстрел, а сам с двумя ротами пехоты в полном боевом порядке, двинулся на эту деревню. Противник издалека увидевши наши цепи, быстро начинает нервничать и обнаруживает свое присутствие, пуская в ход артиллерию. Ни одного ружейного выстрела с нашей стороны; медленные методические продвижения цепей; перебежки в опасных местах; все стройно, ясно и четко. К несчастью наша артиллерия не получила приказания т. Гая; связь еще не успели наладить как следует, момент был решительный; проходят часы ожидания—наших шрапнелей не слышно, а неприятельские рвутся над нашими головами.

Испытание на храбрость. С нашей стороны все тоже жуткое молчание при паническом огневом ужасе у неприятеля. Наконец, подойдя на расстояние верного прицела, наши цепи расстреливают одиночными выстрелами врага наверняка.

Темнеет... Неприятель не выдерживает и бежит; бежит от ужаса перед этими, почти молчаливо двигающимися цепями, бежит, имея явный перевес артиллерийского огня. В это же время в центре белогвардейский георгиевский офицерский батальон производит внезапную бурную штыковую атаку. Командир кидается вперед с криком: „бей эту красную сволочь смелее; они сейчас убегут“. И вдруг, о ужас, встречная штыковая атака,—и бегут георгиевские кавалеры“.

Взятие Симбирска.

Урок августовского наступления не прошел даром для нашей дивизии. Потрепанная и окончательно деморализованная Курская бригада была отведена в тыл, где постепенно приводилась в боевой порядок для новой попытки взять Симбирск.

В штаб стали прибывать добровольцы, рабочие и крестьяне окрестных сел; из с. Поповки, близь которой находилась суконная фабрика, прибыл отряд в 300 человек с оркестром. Одновременно штабом была об'явлена мобилизация последних возрастов: была организована врачебная комиссия из врачей санитарного управления дивизии. В короткое время наши поредевшие ряды пополнились свежими и крепкими новобранцами, большую часть которых составляли фронтовики старой армии.

Количество бойцов значительно возросло и доходило до 4500 человек. Кроме того прибыл кавалерийский дивизион „Победа“, зенитная батарея из 3-х орудий на платформах и 3 аэроплана с летчиками, тотчас же установившими воздушную разведку.

Ст. Чуфарово ожила. Ежедневно выгружались новые эшелоны. Настроение стало великолепным. Чувствовалось, что на этот раз наступление будет удачным.

К тому времени части дивизии уже делились на 2 пехотных бригады и 1 артиллерийскую. 1-я бригада состояла: из 1 и 2 симбирского полков, 3-го Витебского, Симбирского эскадрона и 3 батарей с 11 орудиями (всего 1700 штыков, 64 пулемета, 83 шашки, 11 орудий); 2-я бригада состояла из Московского, 5-го Курского, Интернационального, Крестьянского, Орловского, 3-х кавалерийских эскадронов: Карачевского, Баревича и драгунского, а также 2-х батарей с 8 орудиями (всего 2000 штыков, 240 сабель, 50 пулеметов).

1-й бригадой (правый фланг) командовал тов. Павловский; 2-й бригадой (левый фланг) т. Недзвецкий. Артиллерийской бригадой командовал тов. Мираевский.

8-го сентября части дивизии, занимавшие фронт Прислониха-Игнатовка, получили приказ „овладеть Симбирском коротким энергичным ударом“.

Ночью того же числа наши части начали стремительно продвигаться вперед. Почти не встретив сопротивления, им удалось продвинуться к ст. Майна и к раз'езду Выры, где противник пытался было задержаться, но был смят и, после упорного сопротивления, 10-го отошел к ст. Охотничья.

11-го сентября произошел бой у ст. Охотничья, где отличился интернациональный полк, на голову разбивший белых и взявший много пленных-мобилизованных крестьян молодых возрастов, большей частью чувашей и татар, обутых в лапти и плохо обученных. Взятый в плен белогвардейский офицер был расстрелян на полянке недалеко от станции. Перед станцией Охотничья и вдоль леса убежавшими в панике белыми были наскоро вырыты окопы и устроены проволочные заграждения, которые, однако, не остановили красных бойцов.

В этот день почти по всей линии фронта шли бои с отступавшими, но упорно оборонявшимися белыми. Дивизия суворовским натиском гнала безостановочно белых, преодолевая их сопротивление всюду, где оно оказывалось.

Вся Симбирская операция, начатая 9 сентября, была выполнена в 3 дня: на второй день в наших руках была линия Тетюшское-Елшанка-Ключище-Шумовка-Кременка; на третий день пехота уже переправилась через Свиягу, залпами отогнав неприятеля, пытавшегося разрушить железнодорожный мост.

В это время белая гвардия выставила инструкторский батальон в Винновской роще, дабы встретить красноармейцев, идущих из Кременок, но войска со стороны Свияги зашли в тыл и инструкторский батальон, снабжавший белых командным составом, был истреблен почти поголовно.

Наибольшее сопротивление противник оказывал при подступе к городу в деревнях района Баратаевка-Отрада-Белый ключ. Защищать отраду был выставлен отряд чуваш, мобилизованных белыми перед тем. Эти невольные защитники, оборванные, разутые, голодные, не обученные, почти все легли на поле сражения; оставшиеся были взяты в плен и отпущены на свободу.

Вечером 11 числа наши войска были всего в нескольких верстах от предместья Симбирска Киндяковки, где уже побывала наша разведка, но в виду наступления темноты решено было вступить в город на следующий день.

12 сентября утром, развернувшись цепью, войска 1-ой бригады неудержимой лавиной с криками „ура" ринулись на противника, и в 12 часов дня Симбирск был взят. Буржуазная охрана города, бросив свои посты, частью убежала с белыми, частью попряталась в домах. На улицах города наши наступавшие цепи были встречены градом пуль из окон и с крыш.

Начальник дивизии, т. Гая, бывший все время впереди своих войск, один из первых вступил в Симбирск на автомобиле с политическим комиссаром армии, т. Калининым, и, в'ехав на старый Венец, стал обстреливать бегущих белых, стягивавшихся со всех сторон города к мосту и переезду, из пулемета, бывшего на автомобиле.

Белогвардейцы, после слабой попытки задержаться в самом городе, бежали по мосту на левый берег.

Наша артиллерия, расположившись в центре города на Смоленской улице и на Завьяловской площади, стала громить отступавшие в беспорядке обозы противника. В руки Красной армии попала большая военная добыча.

Насколько поспешно отступали белые, видно уже из того, что на правом берегу оставлен был весь обоз и артиллерия; четыре тяжелых орудия им пришлось бросить в Волгу. Отступление по мосту прикрывал броневик, отстреливающийся от нападающих. Много белых, в особенности только-что мобилизованных из ближайших сел, побросав оружие в садах Подгорья в беспорядке убегали по правому берегу Волги вверх по течению. Их уже не преследовали. Все три аэроплана противника попали в руки красноармейцев; 2 из них были забраны в плен при д.д. Баратаевка и Киндяковка, а один у моста через Свиягу сожжен.

На ст. Киндяковка забрано много вагонов с военным имуществом белых.

В 12 часов ночи посланы войска за Волгу, с поручением выбить укрепившегося в В.-Часовне неприятеля Распоряжение отрядом выполнено с большим успехом. Белые бежали в Мелекесу, оставив огромное количество оружия, патронов и много вагонов прочих вещей даже канцелярию штаба.

Все это забрано в числе трофеев блестящего Симбирского похода.

С какою легкостью произошло занятие Симбирска, о том свидетельствует малое количество жертв со стороны дивизии; только при переправе через Волгу произошли небольшие потери. Со стороны белых легло не менее тысячи человек. Раненые противника подбирались победителями на поле сражения и отправлялись вместе со своими в дивизионные лазареты. Такого великодушия со стороны белых не наблюдалось.

Нельзя обойти молчанием мужественного порыва войск дивизии при наступлении на Симбирск; весь командный состав, во главе с тов. Гаем, шел в цепи вместе с красноармейцами.

Штаб дивизии не отставал от своего начальника. Некоторые из батальонных и ротных командиров получили при наступлении ранения.

Не дав опомниться противнику, начальник дивизии предпринял наступление в трех направлениях: по Буинскому тракту, вниз по течению Волги и за Волгу. Во всех перечисленных направлениях войска дивизии одержали славные победы. Особенно отличились в боях полки: 1-й Симбирский и 1-й Курский.

При эвакуации Симбирска белыми бежала вся буржуазия и большая часть интеллигенции, напуганная провокацией белых о предстоящей поголовной резне и о том, что на Волгу движутся немцы.

В первое время обыватели попрятались; выпущенные из тюрьм арестанты стали бесчинствовать. Тогда 13 сентября был издан приказ по дивизии, где говорится: „отдельно шатающихся солдат и мародеров арестовывать и расстреливать без суда. В городе должен быть водворен строжайший порядок".

В течение трех дней был восстановлен революционный порядок и было расстреляно 15 грабителей. Город был об'явлен крепостью. Немедленно в городе была восстановлена Советская власть.

Обстрел белыми Симбирска и вторичное поражение их.

Присвоение Симбирской Дивизии наименования Железной.

Член Реввоенсовета Республики тов. Кобозев восторженно отзывается о красноармейских частях, взявших гор. Симбирск. Говоря о телеграмме Командарма 1 Тухачевского в Реввоенсовет Республики о том, что Симбирск будет занят через 3 суток, Кобозев пишет:

„Командир Тухачевский ошибся лишь на одни сутки; разве это не лучшая характеристика нашей новой армии? Я обязан публично ходатайствовать перед В. Ц. И. К. Республики о присвоении Симбирской дивизии названия „Железной". Да, Симбирская дивизия действительно железная. Она в непрерывных боях уже несколько месяцев. Прорвавшись из Сенгилеевского кольца, дивизия Гая имела еще силы тогда же бросится в контр-наступление на Симбирск, чем был положен конец катящейся наступательной волне чехо-словаков".

„Взятие Вашего родного города Симбирска,—телеграфирует командир Симбирской дивизии, т. Гая, Ильичу,—это ответ за одну Вашу рану, а за другую рану будет Самара".

Через три дня после занятия Симбирска и ряда пунктов на левом берегу Волги одним из наиболее отличившихся полков—1 Симбирским был устроен банкет в честь железной дивизии на котором присутствовали командарм I Тухачевский, Наштарм Корицкий, комиссар армии т. Калинин и весь президиум Симбирского Губисполкома.—На банкете были произнесены приветственные речи в честь войск, освободивших Симбирск от чехо-словацких банд.

Этой же ночью неустойчивые части орловского полка (входившего прежде в Курскую бригаду) под натиском белогвардейских банд, после разгрома под Казанью скопившихся против Симбирска, отступали на правый берег, и на следующий день Симбирск стал обстреливаться белыми, занявшими Н.-Часовню и имевшими батарею в В.-Часовне. Им энергично отвечала наша артиллерия с Венца. Защита моста была поручена Интернациональному полку; под убийственным пулеметным огнем белых, командир полка тов. Варга с горстью храбрецов не только отстояли переправу, но захватили у белых на том берегу два пулемета. Во время героической битвы на мосту погибло 17 человек товарищей—Интернационалистов.

26-го белые быстро отступили: 2-й бригадой была занята ст. Черданлы, 28-го—ст. Бряндино.

Оба берега Волги у Симбирска были прочно закреплены за Советской республикой.

28-го Сентября Ц. И. К., через посредство т. Кобозева, было передано почетное знамя Симбирской Железной дивизии, получившей в лице командира тов. Гая ряд приветственных телеграмм от Симбирского Губисполкома, от Симбирского комитета РКП(б), от Главкома Вацетиса и других.

Тов. Кобозев в своих телеграммах на имя Совнаркома и ЦИК доносил:

„Констатирую, что Симбирская Железная дивизия попрежнему стойка. Железная не выходит из маневренной борьбы, не ищет отдыха, не просит смены, в походах непрерывно с начала Июня. Полки дивизии сейчас в бою в 18 верстах от Сызрани".

Награды за взятие Симбирска.

За взятие Симбирска дивизия награждена почетным красным знаменем от ВЦИК (приказ дивизии от 30-го Сентября 1918 года № 27). Весь личный состав награжден месячным окладом содержания, получены благодарственные поздравительные телеграммы от Председателя ВЦИК тов. Свердлова, Главкома, Комиссара 4-й армии тов. Куйбышева, советских учреждений и профсоюзов.

Взятие Сенгилея, Сызрани и Ставрополя-Самарского.

Во время боев под Симбирском с 18 по 27 сентября дивизия пополнилась вновь прибывшими I Пензенским и 3 Симбирским полками и с 27 сентября в полном составе повела наступление на Сызрань и Ставрополь-Самарский. В конце сентября был занят гор. Сенгилей —Части дивизии, преследующие противника на левом берегу Волги, сменены частями 5-й армии и переброшены на пароходах в район с. Климовка и 2 октября соединились с частями Сызранского направления. Дивизия заняла фронт Жемидовка, Вельяминовка, Степная, Шигоны, Климовка.

3 октября, пройдя в течение двух недель с беспрерывными боями более 200 верст, части заняли гор. Сызрань, где захватили сотни пленных, большие трофеи и речные суда. Противник, разбитый под Сызранью, в панике отступил на Самару и взорвал Александровский железнодорожный мост.

6 октября был занят гор. Ставрополь-Самарский.

Движение на Самару.

Не останавливаясь в занятых городах части продолжали преследовать противника. При своем отступлении противник уничтожал и взрывал мосты и железнодорожные пути и вел ожесточенные бои с преследовавшими частями дивизии. Несмотря на все препятствия, части шли верно к своей цели и 8 октября, пройдя более 100 верст, вошли в гор. Самару, где были уже части Самарской Дивизии, успевшие занять Самару на 6 часов раньше Железной дивизии.

За взятие Сенгилея, Ставрополя, Сызрани и Самары личный состав награжден месячным содержанием.

В Самаре дивизия оставалась в армейском резерве для приведения себя в порядок. В это время дивизия считалась уже самой боеспособной и дисциплинированной.

Взятие Бугуруслана и Бузулука.

Несмотря на крупные потери, большую усталость людей после перехода от Симбирска до Самары, дивизии немного пришлось побыть в армейском резерве, и уже 16 октября по приказу 1-й армии, не получив пополнения, она вновь выступила на фронт и повела наступление на стоверстном фронте на Бугуруслан и Бузулук. Противник оказывал упорное сопротивление наступающим частям, взрывал и сжигал мосты, пути, станции и поезда; но он не мог сдержать натиск красных бойцов и поспешно отступал вдоль железной дороги Самара-Уфа и Самара-Оренбург. В осеннюю распутицу, с беспрерывными боями, шаг за шагом части дивизии продвигались к намеченной цели и, пройдя более 150 верст, 13 октября, после сильного боя, головной колоной заняли гор. Бугуруслан, где захватили много пленных, трофеев, паровозы и вагоны.— 27-28 октября был занят также с боем гор. Бузулук, где в числе трофеев взят один бронепоезд.

За взятие Бугуруслана и Бузулука личный состав награжден полумесячным окладом.

Переименование дивизии.

В ноябре 1918 года дивизии присвоена общая нумерация, по которой она стала именоваться 24-ой Стрелковой Железной дивизией, а полки с №№ 208 по 216.

Не останавливаясь в Бузулуке и Бугуруслане, части дивизии уже с захваченным бронепоездом преследовали отступающего противника и к 1 декабря 2 бригады заняли линию Куртишки—Матвеевка-Алдашева, по обеим сторонам Ташкентской жел. дор., в 100 вер. юго-восточнее Бузулука. 3-я бригада 17 ноября передана в Бугурусланскую ударную группу для содействия Пензенской дивизии во взятии гор. Белебея и отправлена на станцию Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги.

Наступление на Оренбург.

Продолжая дальнейшее движение, к 1 декабря дивизия достигла границ Самарской и Оренбургской губерний. Здесь дивизии пришлось выдержать тяжелые бои в крайне невыгодной обстановке с превосходными силами противника. Несмотря на большие потери, без пополнения, не имея теплого обмундирования, дивизия не только не уступала противнику ни одного шага занимаемой позиции, но напротив, сама переходила в наступление.

Во время одного такого набега, произведенного по инициативе компотка 212 тов. Гурского на д. Матвеевка, у противника было захвачено два 3-х дюймовых орудия со снарядами, лошадьми и т. д Все имеющиеся резервы были влиты в боевые части, но продолжавшиеся упорные бои и сорокоградусные морозы уносили массу жертв. Число бойцов с каждым днем сокращалось, а противник нисколько не ослаблял своих атак.

Лишь в январе 1919 г., получив пополнение 252 человека и отбив противника у ст. Ново-Сергиевка, дивизия перешла в наступление на Оренбург, по фронту общим протяжением более 150 верст, по глубокому снегу, при 40 градусных морозах и при свирепствующих буранах. Артиллерию пришлось оставить. Пройдя более 200 верст в такой обстановке, дивизия 22 января заняла Оренбург, соединивш. с Туркестантск. армией. В Оренбурге захвачено 30 паровозов, 10.000 вагонов и огромные склады продовольствия. Несмотря на тяжелые лишения, настроение красноармейцев было бодрое и боевое.

В буран.

На Орск и Троицк

С 1 февраля при еще более тяжелых условиях дивизия повела наступление на Орск. Переходы делались по гористой местности. После 250 верстного перехода 27 февраля был занят гор. Орск. В Орске и на ст. Сары захвачено 30 исправных паровозов, до 2500 вагонов, 50 вагонов со снарядами, сотни ручных гранатов, автомобилей, более 150 тысяч снарядов, десятки тысяч патронов, десятки тысяч пудов продовольствия, 13 автомобилей, вагон кож, 3 аэроплана, 2 мотоциклета и много других трофеев. После взятия Орска дивизия повела наступление на 200 верстном фронте по уральскому хребту, ведя ожесточенные бои с казачьими конными частями, всюду сбивая противника. Здесь имел место следующий случай: отрог Колпацкий был занят одной ротой 211 полка, противник повел наступление тремя полками общей численностью до 2000 тысяч человек при 5 орудиях. Несмотря на упорное наступление, противник был отбит, потеряв убитыми более 150 человек. Во время своего наступления на Троицком направлении части второй бригады, пройдя фронтом более 150 верст,

подвинулись к гор. Троицку и разбили казачий корпус генерала Акулинина в 6000 сабель. Третья бригада в это время продвигалась по южному уралу, тесня противника. Первая бригада была передана в Пензенскую дивизию.

Наступление на Колчака.

В это время Колчак, после массовой мобилизации в Сибири, перешел в марте 1919 года в энергичное контр-наступление по всему Восточному фронту. Ему удалось прорвать центр Восточного фронта и овладеть Уфой. Части 5-й армии под напором превосходных сил противника медленно отходили назад к Самаре.

Положение создалось серьезное и дивизии грозило быть окруженной противником. Кругом восстало кулачество, наступила весенняя распутица, и в такой обстановке с 8 апреля, ведя беспрерывные бои с наседавшим с севера и востока противником, части дивизии отступали и с честью вышли из тяжелого положения. Отступать приходилось по пояс в воде и грязи. За 12 дней пройдено было походным маршем более пятисот верст.

Бой на реке Салмыш.

Желая отрезать нашу Оренбургскую группу и выйти в тыл нашим частям, Колчак направил туда корпус Бакича, который начал переправу через реку Салмыш. Нашим командованием решено было после переправы обрушиться на корпус генерала Бакича, прижать к реке и уничтожить. В этом славном деле принял участие 211 полк 24 дивизии. После четырехдневного боя, благодаря героизму красноармейцев и личному примеру красного комсостава, 26 марта корпус противника был разбит на голову и опрокинут в реку Салмыш. На левый берег реки из всего корпуса противнику удалось переправить на лодках не больше трехсот человек. Противник потерял убитыми 2100 человек и свыше 2000 тысяч пленных. В наши руки попала вся артиллерия, много патронов, снарядов, обмундирования и обоз. В то же время 3-й бригадой был разбит „золотой“ офицерский полк и захвачено два орудия.

Бой с Каппелевцами.

Не успев отдохнуть после тяжелых переходов, дивизия в конце апреля вновь перешла в наступление. В первом же бою были разбиты 15 и 16 полки, а затем 11 и 12 дивизии противника. Взамен разбитых дивизий прибыл ударный корпус Каппеля, в составе 25.000 человек, считавшийся одним из самых боеспособных в армии Колчака. В первом же бою 3 Симбирская дивизия Каппеля была разбита, оставив один броневик, до двух тысяч пленных, около 25 пулеметов и много других трофеев.

К началу июня 1919 года наши части достигли реки Белой, 60 верст южнее Уфы. Первая попытка переправиться через реку на плотах и лодках не удалась; в виду ураганного огня противника люди переправлялись вплавь. На том берегу пришлось выдержать упорный бой с засевшими в кустах и оврагах белыми. Бой кончился нашей победой. Противник был выбит и отступил к Уральскому хребту, на непроходимую дикую местность среднего Урала, оказывая упорное сопротивление. Несмотря на это, мы продвигались вперед и заняли ряд заводов.

Голодным, полураздетым и разутым красным героям приходилось не только вести бой по фронту, но охранять себя с флангов и тылов от набегов партизанских отрядов башкир, хорошо знакомых с местностью. Преодолев все трудности, наши части перешли через Урал и после многодневного упорного боя 25 июня заняли гор. Верхне-Уральск. Здесь были захвачены много пленных и Штаб 5-й дивизии.

Опять на Орск.

После взятия Верхне-Уральска дивизия круто повернула на Юг и повела наступление в орском направлении, участвуя в окружении армии генерала Белова. К 14 сентября дивизия прибыла в Орск. Здесь больше двух третей состава дивизии выбыло от свирепствовавшего тогда тифа.

Население о Железной дивизии.

Население освобожденных местностей встречало части дивизии с хлебом и солью, относилось к красноармейцам радушно и приветливо, снабжало не только пищей, но и теплой одеждой и всем необходимым.

Во время отступлений население также хорошо относилось к частям. За обозами тянулись сотни подвод уходившего за Красной армией населения, оставлявшего свои дома.

Части дивизии использовывали все возможности для оказания помощи населению.

Противник о дивизии.

Из документов захваченных в Штабе 5-й дивизии, видно, что район перехода дивизии через Уральский хребет считался самым непроходимым. Много очень хороших отзывов давал противник о боевой деятельности дивизии, между которыми такой: „24-я Советская Железная Дивизия красных, одна из лучших и боеспособных советских дивизий". Из доклада Начдива 5 к командиру корпуса видно, что во время переправы 211 полка через реку Салмыш в апреле месяце, этот полк при поддержке одного полка Оренбургской дивизии при одном орудии разбил и утопил в реке Салмыш всю 5-ую дивизию с обозами и артиллерией.

В Воронежской губернии.

Дивизия была переброшена в Ново-Хоперск, Воронежской губернии; 1-я же бригада была отправлена в Туркестан. Третья в Илецк и дальше на Уральск. С 20 февраля дивизия перешла в район Богучара, где занялась вылавливанием дезертиров, обучением призванных по поверочному сбору и помогла в сборе продразверски. С наступлением весны оказывала помощь населению в запашке полей.

На панов

Создавшееся положение на Западном фронте вызвало переброску дивизии в район Гомеля. Прибыв туда к 1-му июня, дивизия спешно перебрасывается в район Горностайполя и совершает переход походным порядком более 100 верст в 24 часа. Переправившись через Днепр, дивизия вступает в бой с поляками и занимает участок по правому берегу реки Припять, ведя наступление вдоль его. В районе Гомеля вновь была в дивизию возвращена 3-я бригада, прибывшая раньше. После сильных и упорных боев 17-го июня дивизия занимает Чернобыль, а затем—Мозырь, захватывая пленных и трофеи.

В районе станции Словечна батареей дивизии подбит бронепоезд „Сикорский", который был захвачен со всем вооружением и припасами. После занятия Мозыря дивизия перебрасывается в район Коростеня. 3-го августа, переправившись через реку Стырь, части занимают Луцк. Продолжая теснить противника, дивизия к 14-му августа достигла реки Буг и ведет упорные бои по линии Белз. В бою под м. Каменка был разбит броневик противника. 10 сентября в состав дивизии прибыла запасная бригада, без обоза и имущества и мало подготовленная. Весь период до 13 сентября прошел в беспрерывных боях, при чем гор. Сокаль, занятый было нами 3 раза переходил из рук в руки. В виду общего отступления 18 сентября дивизия отступила за реку Буг, а затем за реку Стырь.

Отступательный марш—маневр за реку Случь.

11-го сентября с отходом частей 14-й дивизии, кавалерия противника, зайдя в тыл частям 24-й дивизии севернее г. Сокаль, потеснила части дивизии и заняла город. Но утром 12 сентября после сильного боя частями дивизии вновь был занят Сокаль, затем город три раза переходил из рук в руки, при чем за отсутствием патронов, приходилось противника, отстреливающегося из винтовок и пулеметов с чердаков и окон, выбивать штыками. Потери в этом бою убитыми и ранеными в 212 полку до 700 человек, в 209 и того больше.

В виду угрозы кавалерии противника отрезать дивизию с обоих флангов, обнаженных отошедшими 44 дивизией и конной армией, 18-го сентября дивизия отступила за реку Буг, а 1 сентября по тем же причинам начала отступление за реку Стырь. Соседние части с правого фланга были в тылу частей дивизии на 30—40 верст.

15-го сентября дивизия вошла в состав 14 армии, а 19-го сентября в 1-ую конную армию.

Вынужденные отступать, части дивизии вели непрерывные фланговые бои с наседавшей конницей противника, старавшейся перерезать путь отступления дивизии. Наиболее ожесточенные бои были у гор. Дубно, у м. Млынова и у гор. Изяславля. За городом Изяславлем противник силою до 5000 человек пехоты и кавалерии перерезал путь отступления 214 полку После часового боя полк вынужден был отходить, расстреливая противника в упор. С подходом 2-х резервных рот полк бросился в атаку и заставил противника, понесшего громадные потери, отступить в гор. Изяславь. Полк ворвался в город, но за отсутствием патронов прекратил дальнейшее преследование. Кавалерия противника перерезала дорогу Изяслявь—Топоры, по которой отходил 216-й полк. Последний вошел в соприкосновение с противником и вступил с ними в бой. Два раза кавалерия противника в превосходных силах бросалась на полк в конном строю в атаку, но обе атаки полком отбивались и только после третьей атаки, понеся сильные потери, полк принужден был отступить.

В сентябре дивизия вошла в состав 12-й армии и того же числа перешла за реку Случь, заняв участок Млыны-Острожецкие-Коростки-Н.-Место, где остановилась для приведения себя в порядок. Здесь дивизия и вела бои с противником до 18-го октября.

На Петлюру и бандитов.

21-го октября дивизия перешла в район Бердичева, а 24-го октября, сменив части 60 дивизии на участке Литин—Жмеринка, с 10-го ноября повела наступление против Петлюры, пройдя с боями до Летичева.

С окончанием операций против Петлюры, дивизия перешла в Винницу и тут же ей была поручена охрана сахарных заводов и государственных сооружений на Подолии, борьба с бандитизмом, дезертирством и оказание помощи по сбору продразверстки.

До июля 1922 года части дивизии охраняют границы с Румынией и Польшей, попутно выполняя трудовые работы, оказывая помощь крестьянству в запашке полей, охраняя маршруты с продовольствием и т. п.

На призыв центра о помощи голодающим Поволжья дивизия не осталась без ответа, и из своего скудного пайка отправила в Самару около 50.000 пудов хлеба.

На Подолии дивизией уничтожены банды: Худяка, Бернацкого, Пушкаря, Хмары, Резника, Чвары, Гадзиковского, Шевчука, Клима, Кушнера, Цимбалюка, Соколовского, Дорошенко, Коваленко, Лыхо, Гивы,

Подковы, Воровского. Убиты атаманы: Кошевой, Лыхо, Бернацкий, Коршун. Пойманы: Воровский и Худяк. Убито бандитов 985, захвачено 852, отобрано—2544 лошади, 14 пулеметов и 2134 винтовки.

Винницкий мост, разрушенный поляками и восстановленный 24-й дивизией.

Славные итоги.

Таким образом 24-ая Дивизия за время своего существования раздетая, разутая, полуголодная, совершила героические переходы, пройдя походным порядком с боями более пяти тысяч верст. Ни весенняя и осенняя распутицы, ни 40 градусные морозы, ни свирепствующие бураны и глубокие снега в степях Башкирии, в горах Урала и Турайской области на Восточном фронте, ни сыпучие пески и болота на Западном не смогли остановить продвижения дивизии. Дивизия беззаветно дралась на фронтах гражданской войны за власть Советов, за торжество труда. Дивизия дала много героев, на примерах которых должны и будут учиться тысячи и десятки тысяч молодых рабочих и крестьян ежегодно приходящих в дивизию.

В боях Дивизией захвачено: два исправных бронепоезда, два взорванных противником, разбито три бронепоезда, взято до 50-ти тысяч пленных, 20 орудий, 200 пулеметов, более 300 тысяч снарядов, около миллиона патронов, больше 50-ти паравозов, 15 тысяч вагонов, 44 автомобиля, 4 аэроплана, сотни тысяч пудов продовольствия и фуража, много речных судов, оружия, снаряжения, медикаментов и прочего имущества.

Дивизия имеет красные почетные знамена: от ВЦИК, Самарского и Подольского Губисполкомов и Гайсинского Уисполкома.

После окончания Гражданской войны Дивизия принялась за упорную военно-политическую учебу.

Одна за одной преодолевается дивизией трудности и выполняются поставленные перед всей Рабоче-Крестьянской Армией задачи. Каждый, кто был в рядах 24-ой Железной, ушел из нее с пониманием своей задачи защитника первого в мире социалистического государства. Спокойно и сознательно встретив последние международные события, Дивизия еще теснее сплотила свои ряды, еще серьезнее взялась за учебу. Бойцы Железной Дивизии всегда готовы по зову Советской Власти и Коммунистической Партии ответить могучим ударом по капиталистическим хищникам, жаждующим крови рабочих и крестьян.

ТВОРЦЫ ПОБЕД

Самарцы.

Мы внуки Разина Степана,
Широкой Волги мы сыны
Цепей не стерпим и обмана,
Свободу с детства любим мы.
Собрались мы на клич борьбы
За власть Советов—нашу власть,
Смелей вперед. Победа ждет.
В борьбе нам дорог каждый час.
Всю тяжесть рабства мы познали,
Кипит в нас мощный дух труда
Все цепи рабства мы сорвали,
Их не наденем никогда.
Собрались мы... На клич борьбы
За власть Советов—нашу власть,
Смелей вперед. Победа ждет.
В борьбе нам дорог каждый час.
Мы врозь ничто, а вместе сила,
Весь мир рабов с собой зовем,
Нас ждет Свобода иль могила,
Мы победим или умрем.
Собрались мы... На клич борьбы
За власть Советов—нашу власть.
Смелей вперед. Победа ждет.
В борьбе нам дорог каждый час.
Еще удар и рухнет мир
Проклятый мир насилья, тьмы.
Сожми ружье. Мы любим ширь,
Свободу с детства любим мы.
Собрались мы... На клич борьбы
За власть Советов—нашу власть
Смелей вперед. Победа ждет.
В борьбе нам дорог каждый час.

Е. Михайличенко.

Гимн 24-й Стрелковой Самаро-Ульяновской Железной Дивизии.

Весело знамени алому
Птицей взлетит к небесам;
Вспыхнули дни небывалые,—
Гордые, смелые встали мы
Против своих угнетателей,—
Смерть палачам!
Воля рабам!

Мы мужики и рабочие,
В блузах, в лаптях, в армяках;
Мы, чьи сердца ожесточены
Тяжкой нуждой—червоточиной,
Сильные правдой народною,—
Мы победили, свободные.
Там, где был враг—
Стелется прах.
Мы нашей кровью приблизили
День обновленья труда;
Дети железной Дивизии,
Красной Самарской Дивизии,
Краснознаменные воины,
Мост мы в грядущее строили.
Тех, кто страдал,
Помнят всегда.—

Железным.

Мозг железный.
Дух железный
И—железный
Шаг...
Каждый воин
Из железа...
Взор стальной,
Как митральеза...
И железные,
Железом
Выжгут тебя,
Враг!
Брат железный!
Помнишь Волгу?
Волгу
Не забудь!
Днем—огонь,
И ночью
Долгой,
Мы огонь разливши
Волгой
Стлались
в путь
За поля
и за заводы,
В бурю,
в холод
в непогоды
Мы неслись,
как Волги воды,
По родным
лугам!
И катились
мести волны,
А на волнах
наши челны
Пролетарской воли
полны,
Смерть
несли
врагам!
Все на Волгу!
Все за Волгу!
К Волжским
берегам!
Этот клич
пронесся
громом...
И ударил
по хоромам,
И железным
красным ломом
Был расщеплен
враг...
Натиск белых
бесполезный—
У дивизии
железной
Мозг—железный
Дух железный,
И железный
шаг!
Волга!
Помнишь, дорогая,
Как полки
героя ГАЯ,
Банды белых
настигая
Их смели,
как пыль...
Кто наш враг,
лежи в могиле!
Не противься
Красной силе!
Палачей врагов
скосили,
Как гнилой
Ковыль!
Дерзкий пыл их
безполезный—
У дивизии
Железной
Дух—железный,
Мозг—железный
И железный
шаг!
Каждый воин,
из железа...
Взор—стальной,
как митральеза...
Прочь с дороги,
враг...

Никита.

Коммунистическая организация Железной Дивизии.

Коммунистическая Партия вырывала из своих рядов лучших товарищей и бросала на фронт гражданской войны. давая им наказ: быть всегда впереди, вести за собой красноармейские массы, быть цементом сплачивающим Красную армию в боевой союз Рабочих и Крестьян, поднимать революционную сознательность бойцов, ковать победы над врагами, занесшими меч над молодой Советской Республикой.

Эти задачи с величайшей самоотверженностью выполнялись коммунистами. Не даром сложено столько прекрасных песен о коммунаре, умирающем на своем боевом посту. Недаром так горячо любили бойцы членов коммунистической партии, всегда показывающих пример храбрости и беззаветной преданности делу революции

В победах 24-ой Железной Дивизии колоссальнейшую, основную роль также сыграло коммунистическое руководство, создавшее из разрозненных партизанских отрядов, громадную боевую силу дивизии.

В основу Дивизии были положены на ряду с другими отрядами. Самарский отряд Коммунистов, Казанский коммунистический отряд и Тверская коммунистическая группа. Эти части были наиболее крепкими наиболее спаянными, наиболее решительными в боевых схватках. Они служили примером для остальных партизан. вокруг них сплачивались все новые и новые силы добровольцев-рабочих Урала, крестьян Поволжья и Оренбургской Губернии.

Вот как отзываются старые бойцы, поместившие свои воспоминания в юбилейном сборнике 1-ой революционной армии, об этих отрядах:

„Партийный характер некоторых отрядов влиял на умственный уровень и поднимал сознательность в рядах дружинников, знавших во имя чего борятся они и их враги".

У коммунистов было одно общее желание ликвидировать ненормальности, спаять массу бойцов, сделать боеспособной создающуюся дивизию.

И дальнейшие победы Дивизии показали, что эти задачи были выполнены. Особенно отличились в этой работе первые комиссары Дивизии т. т. Лившиц и Панов и комиссары полков т. т. Самсонов и Зейфен.

Организованный позже политический отдел имел с самого начала организации дивизии свой зародыш в лице юридической следственной комиссии, основной задачей которой являлось „способствование об'единению между красноармейцами и командным составом".

Деятельность юридически-следственной комиссии в первое время преимущественно следственно-судебная, постепенно стала организационной и содействовала созданию партийных ячеек в частях.

Начала развертываться и агитационно-пропагандистская работа, протекающая путем организации библиотек, лекций и прочее. Уже на Сенгилеевском фронте была среди политических работников попытка изда-

вать свой красноармейский журнал и газету, но осуществилась она только в Симбирске, где вышло несколько номеров „Известий Железной Дивизии".

Впоследствии дивизия выпустила газету „Часовой Революции".

В дальнейшем, по мере развертывания полит. работы во всей Красной Армии, она организационно оформлялась, крепла и в 24-ой дивизии.

Организационный период характеризуется в одном из донесений в Политотдел 1-ой армии следующим образом:

Организованная и планомерная работа у нас еще не налажена. С самого начала, с конца июля до середины августа, у нас было немного политических работников.

Мы начали направлять работу агитаторов к решительной работе в частях дивизии; мы стали агитаторов приставлять к частям и ротам, как примерных красноармейцев, которые, постоянно находясь в частях, могли-бы роководить ими в их жизни и служить примером в бою.

К концу августа, в связи с некоторыми неудачами, мы направили на фронт в части всех работников. И вот к началу и в середине сентября, в значительной степени благодаря такой внутренней незаметной работе комиссаров и агитаторов, стали проявляться успехи на фронте, в крестьянах стало проявляться сочувствие к красноармейцам.

23-го сентября на ст. Рудаевка была созвана первая конференция коммунистов первой революционной армии, после чего начали крепнуть и расти коммунистические ячейки в частях. Они получили первые указания о том, что и как делать

Вторая армейская партийная конференция состоялась 24-го февраля 1919 года.

Она способствовала еще большему налаживанию партийной и политико-просветительной работы.

В постановлениях конференци основными задачами ставятся примерность в бою, постоянная, систематическая политическая обработка красноармейской массы, воспитание командного состава.

Эти задачи с величайшей энергией проводятся в жизнь. Проходящие бои дают все больше и больше героических примеров коммунистов. неудержимо идущих вперед и умирающих на передовом посту.

Но ряды коммунистов дивизии не редеют. Они все время пополняются не только товарищами, присылаемыми партийными комитетами: партийная организация растет за счет бойцов дивизии, вполне осознавших задачи и цель борьбы, понявших роль коммунистической партии.

Боевые традиции коммунистической организации пронесены через всю историю дивизии.

На западном фронте, в борьбе с бандитизмом и в мирной учебе коммунисты шли и идут впереди массы, ведя ее к победам. создавая в мирное время боеспособную дивизию, всегда готовую выступить против врагов революции.

Нельзя не остановиться на роли коммунистического союза молодежи. Организационно комсомол небыл оформлен, но каждый комсомолец, учась у коммунистов, знал свою задачу.

Пять тысяч верст, пройденных дивизией, тяжелые бои, проведенные ею на всех фронтах гражданской войны, украшены славными подвигами комсомольцев, беззаветно отдающих свои молодые жизни за торжество трудящихся.

Под руководством коммунистических ячеек, комсомольцы выполняли и выполняют свои задачи авангарда рабоче-крестьянской молодежи.

Командир-боевой воспитатель красноармейца.

(Из юбилейного сборника 1-й революционной армии).

„Еще вчера мир считал их дикарями, а сегодня они, почти умирая с голода, идут к победе или на смерть, мужественно, как старые борцы".

Так сказал Максим Горький о наших красных борцах, почти на восьмитысячном фронте бьющихся за будущее трудящихся всего мира.

Вчерашние рабы они бьются за освобождение от кандалов каторжника тех людей, на теле которых еще висят ржавые цепи угнетения. а ведут их на этот последний и решительный бой красные командиры-коммунисты, часто те самые люди, которые еще так недавно по воле чудовища-капитализма должны были служить послушным орудием порабощения. Теперь эти руководители—командиры армий, дивизий, бригад, полков, батальонов и рот—в светлом порыве, окрыленные мечтой о свободе угнетенных, перерожденные, стряхнувшие с плеч и души зловонную гниль рухнувшего здания буржуазного строя, ведут свои красные полки через все препятствия к победе. Нельзя не остановиться на моральном значении присутствия на командных постах Красной армии бывших офицеров.

Наиболее чуткие из них, поняв великие задачи, поставленные коммунистической властью, и принадлежа по своему происхождению скорее к трудовым классам, не колеблясь, сбросили с себя вериги кастовых предрассудков. И стоило им только не на словах, а на деле слиться с красноармейской массой и уяснить себе ее настроения и нужды, как за ним сразу устанавливалась репутация „своего".

— Они, товарищи, свои ребята. За ними и в огонь и в воду итти не страшно.

Рабоче-крестьянская власть не раз с благодарностью отзывалась о таких командирах.

И Красная армия доказала, что ценит тех из своих командиров, которые при невероятных условиях борьбы, недостатках оружия и снарядов заслужили уважение и даже любовь своих товарищей-красноармейцев, руководя сперва разрозненными партизанскими отрядами и уже позже стройными красными полками, составившимися из бойцов, только что перенесших четырехлетнюю боевую страду и муку и ужасы империалистической бойни. Для того, чтобы зажечь эти утомленные сердца пахарей и людей от станка и верстака, мало было стать командиром, надо было быть вождем-вдохновителем и организатором, надо было быть человеком, беззаветно преданным светлой идее служения пролетариату; надо было стать товарищем, действительным товарищем, близким и родным героической красноармейской семье. Надо было самому стать героем. И они стали героями в ту минуту, когда бестрепетно и смело впервые вступили руководителями в красные ряды.

И за это честь, хвала и признательность трудового народа да будет с теми, кто презрев зловещее шипение колчаковско-деникинских гадов, честно и мужественно выполнил свой долг по отношению к пролетариату и трудовому крестьянству.

На ряду со старыми специалистами военного дела в Касную армию осенью 1918 г. стали вливаться **красные офицеры и генштабисты**, плоть от плоти пролетариата и трудового крестьянства, лучшие из защитников его власти на революционных фронтах. Эти бывшие курсанты командных курсов вносили в армию бодрый коммунистический дух, сплачивали стальной революционной дисциплиной ряды красных бойцов и, сами закаляясь в боях, выковывали из красноармейских частей стойкие и несокрушимые боевые единицы.

Первые в наступлении, последние при отходе, они предпочитали смерть вражескому плену и дали много прекрасных примеров самодисциплины и самопожертвования.

Такие командиры, которых красноармейцы еще недавно видели в своей среде в качестве товарищей по роте или взводу, пользовались особенным авторитетом и доверием.

— Этот не выдаст, потому свой брат, пролетарий,—так говорят про таких командиров простые красноармейцы, с которыми надо пуд соли с'есть прежде чем они назовут тебя „своим".

А сколько незаметных героев выдвинулись среди этих стройных красноармейских колонн, устремившихся на восток за отступавшими дутовскими и учредиловскими бандами!.. Сколько невероятных лишений от мороза, голода, жажды и сорока-верстных переходов в день, сколько леденящих кровь ужасов, сколько утонченных пыток перенесено этими подвижниками на крестном боевом пути от Симбирска и Сызрани к Уфе и Оренбургу!..

Царская война не знала такого энтузиазма, такой неутомимости такой сознательности.

Причина этого ясна.

Красные воины уяснили себе разницу между захватнической войной империалистов между собою и классовой войной за освобождение трудящихся от ига эксплоататоров.

Они знают, что защищают с в о ю власть, с в о и советы, с в о ю землю и с в о ю волю от алчных международных хищников.

И это окрыляет их в борьбе, это удесятеряет их силы, это увеличивает им стойкость.

— Все перетерпим, но не сдадим врагу завоеванной власти!

И зорко охраняют пределы Советской республики от бесчисленных врагов, жаждущих ее гибели, эти доблестные часовые на фронтах всемирной революции!..

Привет вам, неутомимые рабоче-крестьянские бойцы за светлое будущее!

Командир Стрелковой бригады тов. Павловский.

Тов. П-ский б. офицер, но предан всей душой революции. С начала гражданской войны на восточном фронте был в первых рядах борющихся за Советскую власть. В конце июня мы видим его командующим Ставропольской группой войск, осаждавшей Ставрополь. После занятия Симбирска ему удается переправить все свои войска из района Мусорки-Ставрополь через Волгу у Белого Яра и Сенгилея. Благополучно прорвавшись совместно с тов. Гая сквозь кольцо чехо-словаков, через Тушку, Ташлу и Воецкое к Майна, он первое время является ближайшим помощником и заместителем тов. Гая.

В боях под Майной, Охотничьей и Симбирском тов. Павловский участвует в боях в качестве командира первой бригады, занимавшей правый фланг по линии Репеевка—Поповка и выказывает беззаветную храбрость и настойчивость. Его бригада совместно с Витебским полком коротким ударом берет Симбирск. После взятия Самары тов. Павловский, все время находящийся на передовой линии, получив приказ о наступлении на Бугуруслан, берет его искусным маневром, обойдя его с северо-востока. Участвует во всех героических переходах Железной дивизии и неоднократно замещает начальника этой дивизии.

Начальник железной дивизии тов. Вилумсон.

Тов. Вилумсон уроженец Латвии, б. офицер, добровольно вступивший в Красную армию. В июне 1918 года находится на Ставропольском фронте в штабе тов. Павловского, после прорыва из-под Сенгилея назначен н-ком штаба первой Симбирской Железной дивизии. В тесном сотрудничестве с тов. Гая часто подвергал свою жизнь опасности, участвуя во всех славных переходах и боях Железной дивизии; в августе 1918 года находится на ст. Охотничьей, отрезанный от Майны раз'ездом чехов, занявших Выры, но благополучно пробивается через с. Ваецкое со всем штабом. Организует победу красных войск под Симбирском, Самарой, Ставрополем, Бугурусланом, Бузулуком, Стерлитамаком и Оренбургом.

В январе 1919 года назначен начальником Железной дивизии, продвинувшейся к марту по линии 180 верст восточнее Орска и угрожавшей Верхне-Уральску и Троицку.

Сдерживает натиск колчаковцев, наступавших на Оренбург, и выводит Железную дивизию из-под угрозы охвата превосходными силами противника.

В конце апреля лично руководя Оренбургскими рабочими, оборонявшим Оренбург, тяжело ранен пулей в живот, но остался жив и эвакуирован в Самару.

Гайдамак.

Так прозвали его красноармейцы. Настоящая его фамилия—Яровенко. По происхождению он крестьянин Подольской губернии, Ямпольского уезда. Служил он добровольцем в 213 Крестьянском полку, в конной разведке. Всегда отличался храбростью, выносливостью и находчивостью. Во всех отношениях он был безупречен и всегда служил примером для других красноармейцев.

Гайдамак при всяком удобном случае старался об'яснить и рассказать крестьянину и рабочему о Советской власти, о Красной армии; он никогда не роптал на тяжесть службы. В походах играл на гармошке, пел песни и веселил красноармейцев.

В боевой обстановке Гайдамак бывал особенно весел и неутомим. У него в уме только и было, как бы напакостить белым, как бы нанести им удар. Покоя он никогда не знал. Бывало, другие кр-цы отдыхают, а Гайдамак все беспокоит командира каким-нибудь „планом": он поедет в разведку или что-либо другое. Десятки раз он бывал в переплетах, попадал даже в плен к белым, но всегда возвращался обратно целым и не вредимым. И часто даже приводил пленных.

Кр-цы поговаривали, что в нем сам чорт сидит, что его и пуля не берет. Ведь сколько раз Гайдамак висел, казалось бы, на волоске от смерти, а ему хоть бы что; кроме улыбки, на его лице ничего не увидишь.

Много геройских подвигов совершил Гайдамак. О некоторых из них хочется рассказать.

Декабрь 1918 года. 213 полк ведет сильные бои с белыми под ст. Ново-Сиргиевкой (Самарской губ.). Занял под вечер наш полк село Балейку. На другой день утром рота 5-го Сызранского полка ведет наступление на Балейку. С нашей стороны выставлена тоже рота и с фланга конная разведка. Гайдамаку не терпится, ему хочется каким нибудь образом напакостить противнику. Летит он к начкому и говорит:

Поеду я сейчас в тыл к белым и нагоню им паники.

Так и сделал Гайдамак незаметно заезжает в тыл и из-за бугорка во всю глотку.

Эскадрон, за мной. Ура.

(На самом деле он был один). И кинулся на белогвардейскую роту. Белые побросили оружие и подняли руки вверх. Только один фельдфебель стал стрелять в Гайдамака, но Гайдамак подскакал и зарубил его. Среди белых суматоха, офицеры, поняв обман, пытаются востановить положение. но тут быстро подходит наша рота, и рота белых в составе 100 человек с офицерами, целиком попадает в плен.

2-ой случай. Белые занимают село Кодяковку, в 3—4 верстах от нашего расположения. Ночь темная, страшная вьюга; полк отдыхает в хатах. Но гайдамаку не спится. Получив разрешение от командира полка, он часов в 12 ночи седлает коня, вооружается вивтовкой и шашкой, берет патроны и едет в Кодяковку.

Около села стоят „кизяки" (сушеный навоз в виде кирпичей, которыми местное население топит печи). У Гайдамака уже план готовый; он делает из кизяков на холме, возле деревни, кучки, расположенные цепью, вроде цепи солдат. Потом сам раз'езжает вдоль этой „цепи", командует громко и стреляет. Среди белых паника. Они покидают село, занимают позицию и открывают адскую стрельбу. Гайдамак, достигнув цели, уезжает преспокойно в полк, а белые воюют с кизяками до рассвета.

3-й случай. В одном бою, когда мы наступали на Уфу, Гайдамак заметил на фланге у противника, на крестьянской повозке, пулемет, который обстреливал нашу пехоту. Гайдамак, не долго думая, заезжает в тыл с криком „ура" бросается на пулемет. Пулеметчики удирают в панике, но заметив потом, что красных только один человек, хотят взять обратно пулемет. Но напрасно. Гайдамак, раненый в правое плечо, сваливается на повозку и увозит на глазах у белых пулемет в полк. За это он получает награду золотые часы.

Тов. Сербин.

На вечере чествования кавалеров Ордена Красного Знамени в 70 полку тов. Сербин рассказал, как он заслужил орден Красного Знамени. Вот, что он рассказал:

„Дело было в 1920 году, на польском фронте. Мы отступали мелкими отрядами. В полку было всего несколько десятков человек, а поляков много. Они занимали с. Савинцы, окруженное окопами и проволочными заграждениями. Командир полка дал мне две роты, всего 28 человек. С ними я должен был сломить укрепления врага. Что-ж? Приказ так приказ! Как хочешь, но выполни! Собрал я тут своих ребят, рассказал в чем дело и пошли. Быстро прорвали ихние заграждения и зашли в тыл полякам. Они подняли панику и стали бежать. Мы бросились им в догонку и забрали даже пленных. После этого наш полк уже не отступал“.

Во время боя т. Сербин был ранен в обе ноги, но остался в строю. Красноармейцы носили его на руках, и он до конца руководил боем, выполняя приказ. За это товарищ Сербин и был награжден орденом Красного Знамени.

Тов. Куваев.

Тов. Куваев награжден орденом Красного Знамени за один бой с Петлюрой. Дело было в Подольской губернии. Полк стоял в селе Куриловцы, а тов. Куваев с ротой занимал неподалеку один хутор для охраны флангов. Петлюровцы наступали. Полк задерживал их наступление.

Вдруг убили командира полка, т. Пашкевича. Красноармейцы растерялись и подняли панику.

Петлюровцы выкатили одно орудие на гору и начали крыть по бегущим.

Тов. Куваев не растерялся, быстро послал несколько красноармейцев на разведку, которые донесли, что фланг петлюровцев без охраны.

Тогда т. Куваев немедленно двинул роту в атаку. Петлюровцы растерялись от неожиданности и начали бежать. Побросали даже орудие и пулемет.

Полк наш увидел, что петлюровцы бегут, остановился, быстро привел себя в порядок и погнался за ними.

Так рота, руководимая т. Куваевым, отбила наступление Петлюры.

Тов. Кирюхин.

Тов. Кирюхин рабочий, печатник. Работая с малых лет в типографии, он рано познакомился с революционным движением и в 1913 году вступил в партию большевиков. За это он несколько раз был арестован, сидел в тюрьме и был в ссылке.

В нашей дивизии т. Кирюхин с первых дней ее организации, участник всех ее боев и походов. Он был сначала военкомом 214-го полка, а потом командиром роты и командиром батальона. Несколько раз ранен.

Во время отступления на польском фронте его полк под гор. Изяславлем чуть было не погиб. Поляки наступали тремя полками в 5000 человек. Польская кавалерия бросилась на нас в атаку; ее отбили. Потом поляки, обстреляв нас артиллерией, двинули на 214 полк свою пехоту. В нашем полку было всего несколько сот человек. Они сначала было отступили, но потом с криком „ура“ бросились на поляков в контратаку. Поляки не выдержали нашего напора и бежали. 214 полк погнался за ними и ворвался в гор. Изяславль. Но не хватило патронов и пришлось отступить.

В этом бою т. Кирюхин умело руководил своим батальоном. Он впереди всех ходил в атаку и был ранен. За твердость, решительность и отвагу в бою под Изяславлем т. Кирюхин получил Орден Красного Знамени.

Тов. Лунин.

Тов. Лунин—крестьянин, атиллерист старой армии. В Красной армии он командир батареи легкого артдивизиона.

Тов. Лунин награжден орденом Красного Знамени за славное дело на польском фронте.

Наша дивизия наступала на Мозырь. Поляки пустили против нас свой бронепоезд имени генерала Сикорского. Этот броневик сильно обстреливал наши наступающие цепи.

Тов. Лунин со своей батареей подкараулил его, и когда броневик подошел на удобное расстояние, открыл по нем огонь. С первого же разу т. Лунин попал снарядом в паровоз и испортил его.

Другой броневик спешил на выручку, но тов. Лунин с красноармейцами взобрался на подбитый бронепоезд, открыл из его орудий огонь и разбил рельсы впереди. Этим был обезврежен второй броневик противника.

Так дивизия взяла, благодаря тов. Лунину, польский бронепоезд генерала Сикорского.

Тов. Устинов.

Тов. Устинов - самарский рабочий и бывший унтер—офицер старой армии. В первые дни революции т. Устинов был начальником самарской боевой дружины.

При формировании нашей дивизии он был назначен командиром батальона, впоследствии был командиром полка и, наконец, 72 бригады. Находясь на этом последнем посту, он участвовал во всех крупных боях, какие дивизия вела на восточном и западном фронтах.

Тов. Устинов всегда проявлял самоотверженность и решительность. Красноармейцы горячо любили своего отважного командира.

Неоднократно раненый и контуженный он оставался со своими боевыми товарищами. Будучи раненым он вступил с красными частями в родную Самару. Тов. Устинов—кавалер ордена Красного Знамени.

Тов. Каша.

Тов. Каша—мадьяр, по профессии—токарь по металлу. В Россию попал во время империалистической войны в качестве военнопленного. В австрийской армии служил унтер-офицером.

В Красную армию тов. Каша вступил добровольно с первых дней ее организации.

В нашей дивизии он с 1918 года.

Тов. Каша имеет много заслуг. На восточном и западном фронтах он совершил много подвигов.

В 1920 году на польском фронте, он заехал раз с конной разведкой в тыл полякам и уничтожил целый батальон. За это дело т. Каша был награжден орденом Красного Знамени.

А еще в 1918 году тов. Гая наградил его серебрянными часами.

В 1922 году за энергичную борьбу с бандитизмом был награжден кожаным костюмом.

За разгром банды Гальчевского был представлен к награждению вторым орденом Красного Знамени.

Участники славных побед 24-й Железной— ветераны дивизии.

Група ветеранов Дивизии.

Озеров Василий Григорьевич, один из старейших участников славных дел дивизии Получив военное образование в старой армии. тов. Озеров целиком отдал его на службу Красной армии. Занимая ответственные должности при штабе дивизии, тов. Озеров прошел с ней весь путь. За работу в дивизии тов. Озеров получил от Реввоенсовета 12-й армии серебрянный портсигар.

Тов. Озеров принимает активное участие в общественной работе, являясь все время руководящим работником ОСО штаба дивизии. В 1927 году тов. Озеров был членом Винницкого городского совета. В настоящее время он занимает должность старшего помощника начальника оперативной части штаба дивизии.

Котельников Яков Георгиевич,—уроженец гор. Краснослободска, Пензенской губернии, в старой армии был прапорщиком. Находясь в дивизии с 16-го ноября 1918 года, тов. Котельников занимал ряд руководящих ответственных должностей, начиная с ад'ютанта полка и кончая временным командованием бригадой. После окончания гражданской войны тов.. Котельников занимал должность начальника дивизионной школы младшего комсостава, а в настоящее время состоит начальником штаба полка.

Тов. Котельников участвовал на восточном фронте против чехословаков, Колчака, на западном фронте против белополяков, Петлюры и бандитизма.

Метелев Иван Иванович— крестьянин Оренбургской губ. В 1916 году тов. Метелев окончил учебную команду. В дивизии он со дня ее сформирования и участвовал во всех походах, начав с рядового красноармейца и дойдя до должности командира роты. Два раза ранен. Тов. Метелев—кандидат ВКП(б).

Заосторожный Николай Федорович — вступил в дивизию в 1919 году и работал все время в частях связи. Тов Заострожный участвовал в боях против Колчака, Деникина и белополяков. В настоящее время он работает в штабе дивизии в должности Начальника административно-хозяйственного отделения штаба дивизии.— Тов. Заосторожный принимает активное участие в политико-просветительной работе.

Соловов Иван Дмитриевич — рабочий, уроженец Оренбургской губ. Верхне-Уральского уезда. В дивизии тов. Соловов с 1919 года занимая должность отделенного командира, помощника командира взвода, командира взвода. На этих должностях тов. Соловов был все время гражданской войны. Участвовал в походах против Сапожкова и Серова. За храбрость и выдержанность в бою награжд орденом Красного Знамени.

Сейчас тов. Соловов—пом. командира роты по политической части.

Родзько Константин Степанович — еще совершенно молодым, в 16 лет, вступил в дивизию. С дивизией прошел весь ее путь. Член ВКП(б) с 1921 года. В настоящее время полковой организатор ЛКСМ

Аболин Август Петрович—латыш, уроженец б. Лифляндской губ. батрак — С большим трудом работая и занимаясь, тов. Аболин окончил учительскую семинарию. В дивизию он вступил в 1918 году красноармейцем и дошел до должности военкома штаба дивизии. Тов. Аболин участвовал на всех фронтах, где была дивизия.

Сейчас политический руков. учебной батареи артиллерийского полка.

Чумичев Александр Иванович — крестьянин Рязанской губернии, беспартийный. Вступив в дивизию 1-го июля 1918 года, участвовал в боях в качестве красноармейца и телефониста на восточном фронте, против Колчака и Чехо словаков. В настоящее время т. Чумичев–казначей 71 полка.

Павлишко Антон Степанович, — вступив в дивизию 30-го октября 1918 года, участвовал в походах против Чехословаков, Дутова, Колчака—на восточном фронте, белополяков на западном фронте и бандитизма на Подолии.—За работу в дивизии тов. Павлишко награжден костюмом, за образцовую постановку учета политсостава–получил благодарность приказом по дивизии.

В гражданскую войну тов. Павлишко был красноармейцем, старшиной роты, политическим руководителем роты.

В настоящее время — секретарь Подива.

Лихнякевич Борис Александрович—в дивизии с 1918 г., все время участвовал в ее походах на восточном и западном фронтах и, в борьбе с бандитизмом. Почти всю гражданскую войну тов. Лихнякевич прошел рядовым бойцом и библиотекарем бригады. Кроме того он занимал должность инструктора по бибработе, а потом политическ. руководителя роты. Тов. Лихнякевич – член ВКП(б). В настоящее время работает в штабе див.

Скрабовский Казимир Антонович—1916 и 1917 г. работал рабочим на Путиловском заводе. Добровольно вступил в Красную армию 8 марта 1918 года. В дивизии с начала формирования. Занимал все время административно-хозяйственные должности.

ПАМЯТИ ХРАБРЫХ

Могила бойца.

Причудливо тени ночные ложатся
На темно-зеленый курган...
Под ним отдыхает уставший сражаться
Герой изнемогший от ран.
И видит лишь путник, в степи запоздалый,
Присевши с котомкою тут;
Как треплется ветром рубиново-алый
На гнущемся древке лоскут.
То верный товарищ, бойца зарывая,
Воздал ему бранную честь.
И выросла в поле могилка.
Зовя на решимость и месть!..
О, сколько их спит по лесам и дорогам,
Забытых отважных бойцов,
И если б могли, рассказали б о многом
Немые уста мертвецов!
Они б рассказали о тяжких походах
Средь снежных уральских равнин,
О муках страдальцев в степи, на подводах
О стойкости красных дружин;
Они б рассказали про зверства и пытки
Про тюрем сырых тишину.
Про всех их бесплодные к бегству попытки
В колчаковском страшном плену.
Узнали б от них про ночные расстрелы
В Самаре, Перми и Уфе...
Про месть утонченную челяди белой
В изящных штабных галифе!..
Они бы призвали не знать остановки,
Теснее сомкнуться в ряды
И крепче держать среди боя винтовки
Рабоче-крестьянской звезды!
Они пристыдили бы впавших в сомненье,
Боящихся смерти людей,
И, бодро зовя их вперед на сраженье,
Вели б нас к победе скорей!..
Но спят не пробудно в могилах случайных
Дружины почивших бойцов,
Шепчет лишь ветер о грезах их тайных,
О вере в живых—мертвецов!..
Но странник, вздремнувший под скорбным курганом,
Увидит пророческий сон
И, встав на рассвете окутан туманом
Отсюда уйдет потрясен!
Он видел, он знает, какою ценою
Купили свободу живым
Все те, что на фронте железной стеною
Путь заперли хищникам злым!
Пусть полчищем хлынет на нас раз'яренным
Зарвавшийся классовый враг,
К возмездью зовет на кургане зеленом
Кроваво-рубиновый флаг.

Д. Самарский.

В память погибших героев.

Серые герои мощными, железными рядами шли... шли и пали на поле брани за царство труда, за лучезарное будущее человечества.

. Алая кровь трудового народа лилась веками под игом капитала и, наконец, труд создал эти стройные, железные полки.

Радостно течет матушка Волга. Солнце ярко освещает ее и весело играет, переливаясь в ее темных водах. Белые буксирные пароходики бегут по волнам, нагруженные вооруженными людьми. Это—партизаны. Это начало великой всемирной войны между трудовым народом и его угнетателями. Многие, очень многие из этих партизанов погибли в серебристых волнах Волги, девственных лесах Урала и степях Башкирии... Теперь вспоминаем Вас, дорогие павшие товарищи, продолжаем ваше великое дело, создаем новый светлый мир.

Мы помним Вас, будут вас помнить наши свободные дети, наши свободные внуки. Долго, долго будут поминать ваши светлые могилы в братском об'ятии в диких лесистых Жигулях, в прекрасном Симбирске, Сызрани, Оренбурге, Уральске...

В адские морозы вы гордо и весело шли вперед... Ваши руки и ноги коченели, но вы все шли. Горячие звуки „Интернационала" давали знать, что вы идете вперед, вперед, вперед. Куда? О, вы знали, доблестные товарищи, куда идете. Вы знали, что каждый Ваш шаг приближает к освобождению; вы знали, что вражеская пуля может сократить ваши молодые жизни. Вы весело, гордо шли вперед, шли и пали.

Теперь, дорогие герои, вашей кровью, вашими усилиями, жизнями создана могучая, красная победоносная армия, которая докончит то, что вы начали и за что вы положили свою жизнь. Об ее могучую грудь разобьется всякая волна контр-революции, как бы сильна она ни была ..

Так спите вечным спокойным сном, славные погибшие товарищи! Вы честно прошли ваш доблестный путь! А мы, оставшиеся в живых, ваши товарищи, мы поклялись, что трогать, беспокоить ваши могилы врагам не дадим.

ГАЯ.

Памяти жертв.

Миновали годы с тех пор, как родилась Красная Армия.

Миновали годы напряженной гражданской битвы.

В эти годы великой борьбы труда с капиталом не мало пришлось пережить побед и поражений, не мало пришлось перенести испытаний.

На неудачах и поражениях мы учились, мы крепли, мы росли.

Единственная, непоправимая утрата, понесенная нами, это героические жертвы в годину титанической борьбы за идеалы коммунизма.

Смерть выхватила из наших рядов лучших бойцов.

Но мы не плачем над холодными трупами павших бойцов, мы не проливаем слез над свежими могилами.

Мы знаем,—борьба не бывает без потерь.

Это не первые и не последние павшие герои в борьбе трудящихся с угнетателями.

В течение ряда десятилетий капитализм своим могуществом заковал в железные цепи, сдавил стальными тисками трудящихся мира, обрушившись на них всей своей тяжестью; постепенно каплю за каплей высасывал он горячую алую кровь из сильных, энергичных, способных творить людей, медленно мучительно умерщвляя их.

Разве это не жертвы?

А сколько тех, которые, стараясь разорвать проклятые цепи капитала, выходили на улицу, а после заживо гнили, прикованные цепями в сырых, душных, темных подвалах крепостей.

А сколько тех, которые сложили свои головы на виселицах, эшафотах?

А сколько тех неизвестных, исчахнувших и растерзанных зверьем в далеких дебрях Сибири?

А сколько тех, которые погибли в рукопашной схватке на баррикадах?

Их сотни, тысячи, их миллионы.

Груды костей, пирамиды истлевших тел великих героев, погибших в угоду капиталу.

Они, великие предтечи новой эры, несущей освобождение трудящимся, усеяли тернистый путь борьбы своими трупами.

Они, нещадя своей жизни и проливая свою кровь, создали бессмертные памятники свободы.

Они, разорвали железные цепи, разбили тиски и рассеяли мрак.

Они своими трупами, на протяжении столетий, создали мост, по которому рабочий класс пришел к власти.

И если в годы борьбы, борьбы свободного, стоящего у власти, борющегося с винтовкой в руках рабочего класса, мы потеряли лучших своих товарищей, то этого требовала сама борьба, этого требовал обет, данный героями, которые умирая за идеи коммунизма, звали нас продолжать начатое ими дело.

Отдавая свой долг погибшим героям, мы занесем их имена на страницу книги великой борьбы.

Отдавая последний долг погибшим героям, склоним наши боевые знамена и дадим клятву с честью продолжать дело тех, кому вражеская пуля не дала возможности видеть плодов своих героических подвигов.

Готовясь к последней и решительной схватке с мировой буржуазией будем хранить прекрасные образы павших бойцов, учась на их примерах делу защиты первого в мире пролетарского Государства.

Вечная память героям!

Бой под отрадой.

(Светлой памяти тов. АЗАРХА).

Прошли уже годы со дня создания Железной Дивизии. Многое вспоминается о ее прошлом, о тех героях, которые явились доблестными защитниками Советской Республики, а также и основателями Красной армии.

Одним из героев был и тов. Азарх. Он был организатором 3-го Московского полка, с которым из Москвы выехал в Курск, где со своим полком был образцом новой, сознательной Рабоче-Крестьянской армии.

Я его узнал в поезде тов. Подвойского, где он получил распоряжение разоружить один из полков, стоящих на пограничной страже. Это маленький живой человек, который своею живостью и энергичностью невольно заражал других. Получив распоряжение, он быстро отрапортовал, что все будет исполнено, и, действительно, со своими героями москвичами он исполнил. Этот человек у многих остался в памяти, как человек отдавший все для дела революции. После недолгой поездки в Москву, нам с поездом тов. Подвойского вновь пришлось присутствовать на проводах Отдельной Курской бригады на чехо-словацкий фронт.

Это было в первых числах июля 1918 года. После жарких боев с чехо-словаками, георгиевскими кавалерами и офицерскими батальонами около ст. Охотничья, белогвардейские банды отступили к Симбирску, в с. Отрады. На другой день 1-й батальон Московского полка во главе с тов. Азархом энергичным ударом выбил противника из Отрады, но занять ее в виду малочисленности не решился, а расположился за деревней, что оказалось роковым для Азарха, а также и для других товарищей.

Офицерский батальон, руководимый Каппелем, воспользовался темнотой ночи и предательством кулаков, пробрался в деревню мимо наших постов, где и засел, а с рассветом повел атаку на наши цепи.

Красноармейцы хотя и не ожидали такого удара, но не растерялись и дрались как львы, расстреливая в упор противника. Тов. Азарх взял у убитого винтовку и ходил по окопам, подбадривая красных орлов: „Погибнем, но не уступим". Вот он уже ранен в руку, но, не обращая на это никакого внимания, он все твердит „не уступим". Видя, что у одного пулемета все пулеметчики перебиты, он бросается к пулемету и разит наседавшие банды. Но предательская пуля убивает тов. Азарха, и он умирает около пулемета, произнося свои знаменитые слова: „отступите, вас мало, но победа за нами, и мы победим".

И кучка оставшихся храбрецов, отдав последний привет своему герою салютом по врагам начала отходить, отстреливаясь от противника. И после с. Отрады не стало нашего героя тов. Азарха, но память о нем живет, и мы исполняли его завет: отступали, но и побеждали. Но и наше отступление дорого досталось врагу: целый день он возил трупы и раненых.

Их было шесть.

Эскиз.

Тихая лунная ночь...

Сладко дремала красавица Волга... И изредка, как бы колеблясь во сне, переливала дремавшие волны, серебря их стыдливо в блеске задумчиво сердитой луны.

Берега погрузились в непробудный сон.

Крутой обрыв и кудрявый лес с низко спущенными локонами зеленых кудрей тесно сдавили дремавшую красавицу реку, выпятившую свою гигантскую грудь.

Непробудным сном спал также и железный гигант мост, крепко связав правый и левый берег вечно—молодой красавицы —Волги и обрушиваясь всей своей тяжестью на ее могучий стан.

Ни звука...

Но, чу... Застонал железный гигант—мост...

Проснулся.., Зашевелился... Заворчал, вздрогнул.

Кто нарушил его сон? Кто разбудил дремавшего железного гиганта и прогнал сладкие мечты, навеянные на него красавицей—Волгой?

Их было шесть... Шесть, гонимых усиленным конвоем белогвардейских солдат.

Их было шесть, сильных, юных, способных творить и создавать...

Они сдавлены окруженным конвоем белогвардейцев... Сердито ворчал железный гигант, невольно вздрагивая от резких ударов ног хмурого конвоя и молчаливых пленников.

Они шли, затаив дыхание и невольно любуясь дремавшей красавицей—Волгой. И вдруг остановились... А-а-х... Прорезывая ночную тишину, прозвучал сильный сдавленный голос... и выстрелы.

Зацепился за дремавшие кудри зазелененного леса левой стороны и, тяжело ударяясь об утесистую грудь правой, — оборвался и затих...

Бешено встрепенулась красавица—Волга, в испуге всплеснув серебристой волной, вспенилась, раздвинулась, распростерла об'ятия...

— А-а-а-х, еще еще, еще, еще..

Застонал железный гигант, сердито злобно заворчал:

— Несчастные...

Вспенилась красавица—Волга, заколыхалась, в бешено ласкающей злобе громко всплеснув, как бы вскрикнув:

— Счастливые, погибающие за человечество. .

И понесся этот крик в бесконечную даль над переливающейся серебром водной гладью...

С тихой улыбкой опять погрузилась красавица в дрему.

И изумрудные волны, засыпая, шептали:

Их было шесть.. Их было шесть.. Их было шесть... Все стихло.

Молчал железный гигант мост.

Сладостно спала могучая красавица—Волга.

Тихо улыбались угомонившиеся игривые волны...

И серебрила их своим холодным светом далекая луна.

Памяти замученных.

Геройской смертью пали товарищи красноармейцы под штыками палачей казаков, зверски налетевших на деревню, занимаемую товарищами красноармейцами. Пираты иначе не знают боев, как захватить только одиночек и расправиться с ними. Вот имена погибших героев, которые предпочли принять всякие пытки и смерть, но не выдать тайну. Вот имена, которые будут на красной доске великой борьбы за идеи коммунизма.

Агат Сусин, Федор Климахин, Иван Середышкин, Василий Кулагин, Алексей Колунов, Михаил Архипов, Федор Кузнецов, Андрей Носков, Афанасий Москвин, Иван Желтяков, Михаил Тарасов, Леонтий Портянкин, Тарас Кувалдин и малолетний герой — безызвестный 13-ти летний мальчик.

Переименованных выше героев 25 верст из села в село гнали в одном белье разутыми, чтобы они поспевали за лошадьми палачей. После такой прогулки мучеников пороли плетьми, отрезали уши, носы, выкалывали глаза, заколачивали дубовые клинья в грудь и голову.

А после всего безсознательные, истекавшие кровью трупы потащили к ямам, где роют глину. Порубив на куски заставили жителей деревни зарыть.

По прибытии наших войск куски трупов были вырыты и торжественно похоронены. Этот зверский случай привел в ужас все население и красноармейцев.

Все клялись раз навсегда покончить с белыми зверями.

Товарищ Кондрашев.

Геройски погиб Комиссар Невельского полка тов. Кондрашев, который, будучи окружен белогвардейцами, убил четырех из них, а последней пулей выстрелил в себя. Тов. Кондрашев один из стойких закаленных борцов пролетарской семьи.

Товарищ Михайлев.

Это был человек железной воли. Происходил он из крестьян Пугачевского уезда. Он состоял членом Пугачевской организации РКП. Его отзывчивая, бурная душа не могла не отозваться на чехо-словацкую авантюру. Бросив дом, семейство, полный сил и энергии, он вступил в отряд конной разведки.

С первых дней борьбы с чехо-словаками он покрыл себя подвигами героизма. При неожиданном нападении чехо-словаков на Пугачевский уезд нужно было проявлять нечеловеческие усилия, дабы отразить натиск противника.

Михайлев со свойственной ему инициативой и находчиводстью умел бороться со всеми преградами, поставленными обстоятельствами.

Из простого разведчика тов. Михайлев был назначен командиром эскадрона, после отряда, затем командиром полка и командиром бригады Вся его боевая жизнь украшена бесконечными эпизодами.

Тов. Михайлев при форсировании реки Белой подобрался по взорванному мосту к противнику на расстояние пятидесяти саженей, но был замечен и обстрелян пулеметным огнем.

Тремя пулями был смертельно ранен.

Герой связист.

Стоял февраль 1919 года. Части 24-й дивизии раздетые, окруженные сугробами и оренбургскими буранами, несли освобождение на восток--туда, где еще господствовала колчаковщина.

Для связи с авангардом начальник связи дивизии т. Иванов выделил телеграфно-телефонную станцию, во главе с механиком комунистом, тов. Багрецовым.—Темнело. Усталые, нагруженные имуществом связи лошадки значительно отстали от авангарда и потеряли связь со своими частями. Станция была встречена колчаковским раз'ездом. Казаки в количестве, превышающем наших связистов в пять-шесть раз, обнажив шашки, под'ехали к нашим и спрашивают:

— Кто тут коммунист?

— Я!—ответил механик Багрецов.

— Ага... попался голубчик!—Злорадствовали казаки:—теперь пощады не проси.

— Я не казак, а коммунист и в пощаде вашей не нуждаюсь,— говорит тов. Багрецов. И... наган ускорил развязку. Двоих ранив, распылив частично других, Багрецов последним патроном покончил с собой, говоря:

— Если уж умирать, так не от руки покорных слуг Колчака.—

Так выбыл из наших рядов коммунист Багрецов.

Тов. Каган.

Тов. Каган Аркадий начал свою службу в Тверском коммунистическом отряде. Впоследствии он был членом президиума ячейки и принимал участие в политработе. В момент боя тов. Каган всегда был в цепи, показывая пример кр-цам.—„Коммунист всегда должен быть впереди и всегда должен служить примером",—говорил тов. Каган.

При наступлении бригады на Речицу тов. Каган был убит в бою, выполняя свой долг и увлекая кр-цев и комсостав своим личным мужеством.

Тов. Дедаев.

В 1918 году тов. Дедаев поступил в Красную Армию, после чего участвует в формировании 214 полка, а затем командует одним из его батальонов. Будучи хорошим оратором, он часто выступает на митингах, раз'ясняя красноармейцам и крестьянам сущность революции.

12 Января 1919 года тов. Дедаев едет в разведку. Белые открывают огонь, который перебивает всю прислугу батальонного пулемета. Тов. Дедаев бросается к пулемету и открывает ответный огонь.

Взвод разведчиков, сопровождавший тов. Дедаева, под давлением белых отступает. Раненый тов. Дедаев попадает в руки белых, зверски изрубивших его. Подоспевший батальон успевает отнять у белых лишь окоченевший труп своего любимого командира.

Тов. Борзов.

Тов. Борзов по социальному положению — рабочий. В Красной Армии он занимал должность помощника командира роты. В боях тов. Борзов получил четыре ранения, но каждый раз, не излечившись вполне, он рвался в бой. Красноармейцы горячо любили своего боевого командира.

9-го Августа тов. Борзов был окружен солдатами противника и не желая сдаваться в плен, выхватил револьвер и на глазах у всех покончил с собой.

Тов. Органов.

Органов—бывший унтер-офицер старой армии,—сначала командует ротой 214 полка, затем батальоном.

Храбрый и хладнокровный, он пользуется огромной популярностью среди кр-цев. 9-го Августа батальон тов. Органова окружается целой дивизией белых. Храбрый командир выводит свой батальон и, не теряя хладнокровия, рассыпает его в цепь. Целая дивизия белых долго борется с горсточкой—батальоном и ничего не может сделать.

Вражеская граната убивает тов. Органова наповал. Пораженные смертью героя—командира, кр-цы колеблются и отступают. Память о храбром тов. Органове и поныне жива среди ветеранов дивизии.

Тов. Хут-нге.

Тов. Хут-нге (китаец), кр-ец 4-й роты 214 полка, в августе 1919 г. при отходе полка под давлением противника отстал от роты и очутился в кольце казаков.

Не желая сдаваться живым врагу, тов. Хут-нге до последней минуты с поразительной меткостью и хладнокровием стрелял казаков. Прежде, чем казаки успели зарубить, тов. Хут-нге уложил 7 человек из них на месте.

Тов. Пашкевич.

Затих грохот орудий и пулеметов, смолкли стоны раненых бойцов, не слышно стрекота вражеских аэропланов.

И в эти дни мирного строительства нашей жизни, когда некоторые товарищи отмахиваются от грозных видений прошлого, в эти дни память о доблестно павших за революцию и счастье трудящихся нам особенно дорога. В их бесстрашии, в их славных подвигах мы черпаем бодрость и силу для дальнейшей борьбы, которую нам еще не раз придется вести с нашими врагами.

Вражеская пуля вырвала из наших рядов одного из лучших сынов революции: командира 212 полка тов. Пашкевича.

В бою он был всегда впереди, ободряя красноармейцев. Под дождем пуль и снарядов, он увлекает красных бойцов вперед и вперед.

Боевой командир, верный товарищ, он был для красноармейцев нежным другом, отзывчиво откликаясь на все их нужды.

И красные бойцы платили ему всеобщей любовью.

Шальная пуля сразила тов. Пашкевича в бою с петлюровскими бандами под селом Почапинцы.

Нет среди нас любимого командира—товарища, но память о нем никогда не умрет в наших сердцах.

Тов. Мигин.

Тов. Мигин за сочувствие к Советской власти был арестован чехословаками в Симбирске и посажен в тюрьму. Победоносная Красная армия, взяв Симбирск, освободила его.

Тов. Мигин немедленно вступает добровольцем в ряды 24-й дивизии. Сперва он служил в качестве начальника оперативного отдела Штаба бригады, затем командует батальоном и, наконец, становится командиром 214 полка.

Красноармейцы горячо любили тов. Мигина, чуткого и веселого в обычной жизни, твердого и решительного в опасный момент.

Однажды штаб полка с одной ротой был окружен конницей противника в с. Богородском. Положение казалось безвыходным. Тов. Мигин повел цепь на врага и хотел пробиться для соединения со своими. Задача была выполнена.

12 Мая 1920 года на польском фронте тов. Мигин с 3-мя лишь ординарцами бросается в атаку на отступающую неприятельскую батарею и падает, сраженный польской пулей.

Памяти тов. Грушникова.

Не одного боевого товарища потеряли мы, пройдя долгий и тяжелый путь революционной борьбы.

Революция требует жертв, и мы, закаленные в крови и железе, научились спокойно эти жертвы приносить.

Но никогда не изгладится в нашей памяти светлый образ т. Грушникова, славного командира нашего батальона.

Это был подлинный красный офицер, вождь революционной армии, революционер душой и телом.

Он воплощал в себе силу и право пролетарского дела. Беззаветная храбрость воина сочеталась в нем с бесконечной преданностью революции; отвага смельчака революционера с необыкновенной настойчивостью в достижении намеченной цели, тонкий и умный расчет стратега с железной энергией в работе.

Красноармейцы любили своего командира, старшего товарища, за храбрость и ясный ум.

В бою тов. Грушников был незаменим. Всех ободряло его присутствие, всех заражал он своим хладнокровием, отвагой и уверенностью в удаче.

Тов. Грушников погиб, как герой, при исполнении революционного долга.

Шел горячий бой под Луцком. Наш батальон во главе с т. Грушниковым был в самом опасном месте. Поляки засели в окопах, огражденных сетью проволочных заграждений, сдерживая натиск наших частей.

Нам приказ был во что бы то ни стало выбить противника из занимаемых им позиций, и мы наступали под бешеным огнем.

Подползли уже к проволочным заграждениям. Прошли их. Враг замялся и начал было отступатъ. Но в это время ему прибыло крупное подкрепление. Наш батальон не выдержал ураганного огня и начал отступать.

Тов. Грушников был позади всех. И тут настигла его неприятельская пуля.

Теперь уже его нет между нами. Мы потеряли чудного командира и хорошего товарища. Но глубокая боль утраты не повергла нас в уныние, она только ярче заставила гореть в наших душах чистый пламень ненависти к угнетателям и эксплоататорам. Воспоминание о нем только укрепляет в нас непоборимое желание довести начатое дело до конца, достичь того, чтобы понесенные дорогие жертвы были не напрасны.

Товарищ Барановский.

Тов. Николай Барановский родом из Минской губернии. Не кончив реального училища, едет на двинский фронт, где в тяжелой обстановке траншейной жизни близко сходится с солдатами и вырабатывает в себе критическое отношение к империалистической войне. Выдвинувшись своим бесстрашием и дослужившись до чина штабс-капитана, т. Барановский после октябрьской революции, не колеблясь вступает добровольцем в ряды Красной армии.

Ему было всего 22 года.

Он был неразлучен с любившими его красноармейцами.

Да и куда ему ехать?

Разве мог он ехать к своему отцу, душителю свободы, поддерживающему предателей трудящихся..

Он мог с ним встретиться только на поле битвы, как с врагом.

И он до конца своей жизни самоотверженно служил рабоче-крестьянской республике.

Тов. Барановский поступил к нам в отряд на Украине, в г. Новозыбкове, стрелком. За храбрость, выказанную им в боях, его выбрали командиром отряда. Когда из нашего отряда сформировался батальон, вошедший в крестьянский полк, то его выбрали командиром батальона.

С украинского фронта нас перебросили на восточный.

В первом же бою под селом Михайловским, Симбирской губернии т. Барановский, не ложась под пулеметным и ружейным огнем, шел вперед, а мы, смотря на него, тоже бежали вперед с криком „ура“ и в бою взяли 4 пулемета.

После занятия Симбирска нам был отдан приказ переправиться через Волгу. Мы стали говорить, что нас мало. Тогда т. Барановский вышел и сказал:

— Товарищи, ведь вы боретесь за свою власть! Вы возьмите пример с меня. Я сын графа, сын богатого помещика и борюсь за Советскую власть по убеждению. Стыдно вам, если не выполните приказа своего рабоче-крестьянского правительства.

И мы пошли за Волгу, но т. Барановский заболел и уехал в лазарет. По выздоровлении он снова приехал в полк в Самару.

Был в бою под Бузулуком и Сорочинским.

В бою 28-го декабря 1918 г. под селом Голубково под сильным напором неприятеля мы обратились в бегство. Товарищ Барановский, видя это, закричал:

— Стой товарищи! Куда бежите? Ведь этак нас всех перебьют!

Остановил. Рассыпал в цепь. Повел наступление и выбил противника из занятой деревни.

В бою под селом Балеевкой т. Барановский, раненый в руку и в ногу, поднялся и скомандовал: Цепь, вперед!. Благодаря этому мы заб-

рали 250 человек в плен. При взятии Оренбурга Барановский был ранен в кисти обоих рук, но не покинул строя.

В марте 1919 года под Оренбургом Барановский был назначен командиром полка. Когда на ст. Ново-Орск наступали казаки, т. Барановский ездил по цепи на лошади и, благодаря его геройству, снова мы воодушевились и отбили противника.

В бою под селом Карабалак в апреле этого года т. Барановский ехал на лошади впереди цепи; здесь мы нанесли противнику большой удар, забрав 10 пулеметов и два орудия. На другой день противник повел на нас наступление большими силами. Удар был направлен на левый фланг, который стал отступать; тов. Барановский в это время был на колокольне; видя, что левый фланг отступает, он слез с колокольни и бросился на левый фланг, где стал задерживать отступающих, но в это время был тяжело ранен и умер на поле битвы. Красноармейцы видя, что погиб герой командир, с проклятием бросились в атаку и отбили противника, оставив на поле брани 150 человек убитых врагов и забрав в плен часть противника.

Товарищ Юсупов.

Командир 1-й роты 214 стрелкового полка Загид Юсупов более года боролся в рядах Красной армии с белыми бандами в лице чехословаков, казаков и „народной армии".

Безропотно переносил он все лишения, которых так много в боевой жизни.

Во все трудные моменты был с красноармейцами и личным примером воодушевлял их на борьбу.

В бою под дер. Н. Кункасово 28 мая, когда 1-й и 3-й батальоны нашего полка пошли на поддержку 215 полка, неприятельская пуля вырвала его из наших рядов в тот момент, когда он встал под пулями и отдавал боевое приказание.

Товарищ Жихарко.

В июне 1919 года был убит один из лучших товарищей коммунистов тов. Жихарко.

Нет того красноармейца, который бы не сказал о тов. Жихарко своего слова,как о действительно честном и проникнутом коммунистической идеей человеке. т. Жихарко был любим всеми красноармейцами. Тов. Жихарко они любили, как действительно преданного делу революции, стоявшего всегда в передних рядах, дающего пример всем товарищам красноармейцам. В разговорах с тов. Жихарко, несмотря на его малограмотность, не находилось противников возражать против его доводов, настолько искренни и убедительны были они. Он был взводным командиром и был горячо любим всеми товарищами своего взвода, в рядах которого он погиб от руки белогвардейцев. О подробности смерти тов. Жихарко расказывают оставшиеся в живых: взвод был окружен белыми и им было приказано сдаваться, но тов. Жихарко колол каждого подходившего к нему и таким родом заколол 12 человек белых. Он дрался до тех пор, пока один из белогвардейцев не отрубил ему руки. Вот как бьются настоящие коммунисты за великие идеи истины и справедливости!

Тов. Жихарко состоял членом ячейки коммунистов... полка. Он рабочий Иващенковского завода, старый революционер.

Товарищи Петров, Лабецкий и Казаков.

На оренбургском фронте, в июне 1919 года, под деревнями С. и Б. красные герои, окруженные со всех сторон казаками, раненые, расстреляв все патроны, живыми не сдались в плен, но предпочли покончить с собой. Попрощавшись с товарищами, командиры рот: Петров, Василий Иванович, Московской губернии; Лабецкий Семен, Виленской губернии; Казаков Александр Иванович, Симбирской губернии, убили друг друга, не сдавшись живыми.

Товарищ Анемподистов.

В бою у с. Н. 6 июля погиб славной смертью старшина 6-й роты № полка, он же секретарь партийной ячейки полка тов. Анемподистов.

Бой длился с 10-ти часов утра до 11 часов ночи и тов. Анемподистов все время находился на своем коммунистическом посту, смелыми действиями, пламенным словом вливая бодрость в утомленные ряды красных бойцов.

Тов. Анемподистов происходит из рабочей среды, работал в гор. Стерлитамаке, был деятельным работником в больничной кассе по охране труда.

Уфимский и Стерлитамакский пролетариат знает тов. Анемподистова, как энергичного защитника интересов трудящихся.

К БУДУЩИМ БОЯМ

Группа высшего и старшего командно-политического состава 24-й дивизии во главе с Предреввоенсовета СССР тов. **ВОРОШИЛОВЫМ**, комвойск УВО тов. **ЯКИРОМ** и командиром XVII корпуса тов. **НЕЙМАНОМ**.
(Меджибовский лагерь 1927 г.).

Дивизия в 9-ю годовщину.

За достижения в стрелковом деле в приказе командующего войсками Украинского Военного округа об'явлена благодарность всему личному составу дивизии; командиры стрелковых полков награждены именным огнестрельным оружием, а командир дивизии представлен к награждению председателю Революционного Военного Совета Республики.

Кроме того 71 стрелковый полк награжден окружным переходящим призом и проэкционным аппаратом, 72 стрелковый полк—проэкционным аппаратом и денежной суммой на оборудование мишенной обстановки и 70 стрелковый полк —комплектом малокалиберного оружия.

По стрельбе из пулеметов 24-я дивизия стоит на первом, а по стрельбе из винтовок—на втором месте во всем Украинском Военном округе.

Обращение Окружного Партийного Комитета.

На снимке (справа на лево) Секретарь Винницкого Окрпаркома т. Новиков, Председатель Окрисполкома т. Маслюк и Зам. Председ. Окрисполкома т. Гуло.

Винницкий Окружной Комитет Коммунистической Партии (большевиков) Украины, в день 9-ой годовщины славной 24-й Железной Самаро-Ульяновской Дивизии, шлет искренний привет командному, политическому и красноармейскому составу дивизии.

9-ая годовщина дивизии совпадает с моментом, когда над Союзом Советских Республик снова нависла угроза войны, когда всемирная буржуазия под предводительством английского консервативного правительства, принимает все меры к тому, чтобы создать единый капиталистический блок против Советского Союза и уничтожить первую в мире Советскую республику.

Трудящиеся Союза Советских Республик под руководством коммунистической партии сегодня заявляют, как заявляли об этом вчера, что мы не хотим войны, но если всемирная буржуазия перейдет нашу красную границу, она встретит решительный отпор. Как бы ни были тверды головы английских консерваторов, они разобьются о стальную мощь нашей Красной армии.

Трудящиеся всего союза, и нашего округа в частности, отвечают на приготовления к войне капиталистами—сплочением своих сил вокруг коммунистической партии, усилением внимания к обороноспособности страны, увеличением внимания к Красной армии.

24-ая дивизия имеет славное, героическое прошлое: борясь за завоевания Октября, она делала колоссальные переходы в чрезвычайно трудных условиях, освободив один за другим: Симбирск, Сызрань, Ставрополь—Самарский, Самару, Бугуруслав, Бузулук, Оренбург, Орел, Верхне-Уральск, Мозер и Луцк. Кроме того дивизия провела большую работу по искоренению бандитизма на Украине, улучшению сельского хозяйства, помощи голодающим и т. д.

Все это служит залогом тому, что рабочие и крестьяне нашего союза могут быть уверены в том, что когда всемирная буржуазия захочет втянуть нас в войну, то 24-я дивизия станет непреодолимой стальной преградой против врага.

Да здравствует Красная армия, бдительный страж наших красных границ!

Да здравствует Коммунистическая партия—вождь Красной армии!

Да здравствует славная 24-я дивизия!

Да здравствует всемирная революция!

Винницкий Окружной Партийный Комитет.

Кр-цам, Командному и Политическому составу 24-ой Самаро-Ульяновской Стрелковой Железной Дивизии

Дорогие товарищи!

Славная 24-ая Железная Дивизия, рожденная в бурю гражданской войны, кровью лучших своих бойцов вписала светлые страницы в историю освобождения Подолии от беспрерывно наседавших и громивших ее контр-революционных армий.

За время пребывания Дивизии на территории Подолии, бойцы Дивизии рука об руку с рабочими и крестьянами творили великое дело организации и укрепления Советской власти.

В борьбе с бандитизмом бойцы Дивизии были такими же храбрыми и стойкими, как и раньше, на прежних фронтах гражданской войны.

В проведении всех заданий, как обще-государственного, так местного характера, Дивизия принимала и принимает самое активное участие.

Рабочие и крестьяне Винницкого округа ценят прошлое Железной Дивизии и видят в ней лучшую часть, будущее, которой — славные бои и победы на фронтах, подготовляемых мировой буржуазией.

Вспоминая в день девятилетнего юбилея Дивизии ее славное прошлое, Винницкий Окружной Исполнительный Комитет и Городской Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов от имени всех трудящихся округа передают кр-цам и нач. составу Дивизии пламенный, братский привет.

Рабочие и крестьяне Винницкого округа вместе с трудящимися всего Советского Союза и под руководством Коммунистической Партии творят великое дело строительства социалистического будущего.

Эту работу грозят сорвать капиталистические хищники, во сне и наяву мечтающие о подавлении первого в мире пролетарского государства.

Трудящиеся округа непоколебимо уверены, что в минуту трудных боевых испытаний 24-я Железная Дивизия, как и вся рабоче-крестьянская Красная Армия, дадут дружный и беспощадный отпор душителям революции—капиталистическому зверю, жаждущему крови рабочих и крестьян.

В будущих боевых схватках Красная Армия пополнится мощной массой трудящихся, усиленно подготовляющихся в своих военных уголках и организациях ОСО—Авиахима к отпору врагу.

Напрасно капиталисты надеются на победу. Будущая война создаст Великий братский Союз трудящихся всего мира.

К дружной работе по укреплению обороноспособности страны, к укреплению военно-революционной дисциплины, к усилению военной и политической учебы, к повседневной боевой готовности зовут рабочие и крестьяне Винницкого округа бойцов Железной Дивизии.

Да здравствует вооружен. Союз рабочих и крестьян—Красная Армия.

Да здравствует Славная Железная Дивизия.

Винницкий Окружный Исполнительный Комитет.

Обращение Окружного Совета профсоюзов.

От имени организованных в профсоюзы 40 тысяч трудящихся Винницкого округа, Окружной Совет профсоюзов шлет горячий привет Железной дивизии в день ее славного 9-ти летнего юбилея.

Приветствуя Вас, мы вместе с Вами, особенно теперь, перед угрозой всемирной войны, должны иметь ввиду укрепление СССР, дабы сделать его непобедимым.

Порукою тому Ваша славная история самоотверженности, Ваши бои с врагами рабочего класса—международным империализмом.

Эти славные традиции нужно сохранить. Старые бойцы должны передать свой опыт новым поколениям.

Хорошо обученная Красная армия заставит наших врагов считаться с нами. Они не спят и каждую минуту готовы напасть на ненавистную им, но дорогую нам советскую страну.

Посылая свой братский привет в день Вашей годовщины, мы уверяем, что каждый удар молота, весь свой труд мы направим на усиление мощи Красной армии. Профсоюзы всегда были резервом Красной армии и каждую минуту готовы выступить вместе с Вами в защиту Октября.

Да здравствует Красная армия!

Да здравствует славная непобедимая Железная дивизия—гордость рабочих и крестьян!

Да здравствует всемирная революция!

Винницкий Окружной Совет
Профессиональных Союзов.

Командир и Комиссар XVII-го стрелкового корпуса Нейман Константин Августович.

Тов. Нейман родился в гор. Митава, нынешней Латвии, до военной службы занимался письмоводством. Военное образование он получил в старой армии. В Красной армии тов. Нейман с августа 1918 года, где занимает ряд командных должностей, начиная с командира бригады. Со своей бригадой, а потом командуя дивизией и корпусом, т. Нейман прошел почти всю Сибирь. За Златоустовскую операцию он получил от ЦИК'а золотые часы, а за взятие Челябинска и Петропавловска два ордена Красного Знамени.

Командуя експедиционным корпусом, тов. Нейман разбил белогвардейские банды барона Унгерна. Операция эта кончилась пленением Унгерна.

В 1921 году тов. Нейман окончил В. А. К.; перед приездом в Винницу он командовал IV-м Стрелковым корпусом.

Членом В.К.П.(б.) тов. Нейман с 1918 года.

Тов. Соколов, помощник по политической части Командира XVII Стр. Корпуса.

Тов. Соколов—рабочий, металлист. До Октябрьской Революции 1917 г. был эмигрантом в Америке.

В Красной Армии т. Соколов со дня организации Красной Гвардии; принимал участие в борьбе на Южном фронте и в Туркестане при подавлении басмачества.

В армии тов. Соколов занимал должности Комиссара полка, дивизии и с 1926 г. помощника по политической части командира Корпуса.

ПРИКАЗ

XVII Стрелковому корпусу.

3 августа 1927 г. № 55. г. Винница.

§ 1.

14-го августа сего года 24-я стрелковая Самаро-Ульяновская дивизия празднует 9-ую годовщину своего существования.

Ровно 9 лет назад под гром орудий и свист пуль из мелких партизанских отрядов родилась 1-я сводная Симбирская дивизия, переименованная впоследствии в 24-ую стрелковую железную дивизию.

1918 год и половину 1919 года дивизия провела в героических боях на Восточном фронте, неустанно нанося поражения врагам первой в мире Советской республики.

Зимою 1919-1920 года дивизия была переброшена в Воронежскую губернию и в мае 1920 года в связи с обозначившимся наступлением белополяков, направлена на Западный фронт. Здесь дивизия вписала ряд блестящих страниц в историю гражданской войны, приняв участие в походе на белую Варшаву.

После заключения мира с Польшей дивизия без отдыха устремилась на внутренний фронт для борьбы с развившимся бандитизмом. Ею ликвидируется свыше 20 крупных банд и много мелких.

Одновременно дивизия помогала на мирном фронте беднейшему крестьянству восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Только после окончательного успокоения Советской республики дивизия перешла к планомерной учебе.

§ 2.

Товарищи бойцы, Командиры и Политработники 24-й стрелковой дивизии!

Мы находимся в настоящее время перед непосредственной угрозой войны.

Красная армия должна быть на чеку и держать порох сухим. Напряженная учеба и внимательное изучение всех новых способов вооруженной борьбы является нашей основной обязанностью.

Командование корпуса спокойно взирает на будущее в твердой уверенности, что 24-я стрелковая дивизия не забыла своих славных боевых традиций и не ослабляет внимания к повседневной учебе.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников дивизии с 9-й годовщиной ее существования.

Да здравствует славная 24-я стрелковая дивизия!

Да здравствует Красная армия и ее вождь Всесоюзная коммунистическая партия!

Командир корпуса **Нейман.**

Начальник штаба **Столяров.**

Командир 24-ой Дивизии тов. Данненберг Евгений Евгеньевич.

Тов. Данненберг родился в 1891 году. С 16-ти лет он начал жить своим собственным трудом. За выступления против царизма тов. Данненберг с 1909 по 1912 год сидел в тюрьме, а с 1912 года по 1915 был сослан в Туруханский край Енисейской губернии.

В Красной Армии, начав с рядового бойца и пройдя все командные должности, тов. Данненберг дошел до должности Командира Дивизии.

В гражданскую войну тов. Данненберг был на Южном фронте (против Деникина, Врангеля, Махно, Бело-зеленных банд в Крыму и пр.).

Тов. Данненберг награжден орденом Красного Знамени за бой с конницей Улагая 2-го августа 1920-го года под Александровском, где Красные части под командованием т. Данненберга 8 раз отбивали противника и этим спасли дивизионную артиллерию.

Военный Комиссар и Начальник Политического Отдела 24-ой Дивизии т. Горин Григорий Исаевич

Тов. Горин—рабочий. Почти с первых дней существования Красной Армии он работает в качестве политического работника разных частей. Около 5-ти лет он занимал должности Военного Комиссара полка, помощника Комиссара Дивизии и др.

В 1925 году тов. Горин назначен Зам. Начальника Политического Отдела, а с 1926 г. Военным Комиссаром и начальником Политотд. 24-й Дивизии.

Членом Коммунистической Партии тов. Горин с 1917 года.

ПРИКАЗ

Меджибожскому лагерному сбору.

10 августа 1927 года. № 107. с. Русановцы.

На 14 и 15-е августа с. г. назначено лагерное празднование, посвященное 9-й годовщине 24-й Железной дивизии.

В условиях, когда мировая буржуазия все яростнее нападает на Советский Союз, подготовляя новую войну, бойцы 24-й дивизии особенно внимательно и серьезно должны подойти к изучению славных боевых подвигов и традиций дивизии. Исторические материалы свидетельствуют о том, что Железная была лучшей дивизией Рабоче-Крестьянской Красной армии, что она с беззаветной храбростью дралась на многочисленных фронтах, пройдя с боем более пяти тысяч верст, освободив на своем пути от белогвардейских банд десятки городов, сотни и тысячи сел.

Драться до победного конца за власть советов, за торжество трудящихся, за возможность строить социалистическое будущее—вот основной закон, который твердо был усвоен каждым красноармейцем, командиром и политработником 24-й дивизии во время гражданской войны.

Это должно стать и будет законом в грядущих боевых испытаниях.

Будущие бои дивизия должна встретить мощной, действительно железной, несокрушимой силой.

Для этого нужна повседневная, серьезная, подчас тяжелая, но плодотворная учеба.

Стрелять так, чтобы ни одна пуля и снаряд не пропадали даром, итти так, чтобы никто из врагов не ушел от железных бойцов, быть сознательным настолько, чтобы метко и безошибочно определять, где классовый друг и недруг—это задачи, которые во чтобы-то ни стало должны быть достигнуты 24-й дивизией.

Стрельбы и тактические занятия показали, что лагерная учеба идет плодотворно. До конца лагсбора осталось немного. Нужно еще серьезнее нажать на боевую подготовку.

Это будет лучшим ответом на выпады капиталистов. Это-же будет и лучшим памятником нашим старшим братьям, павшим смертью храбрецов в борьбе за завоевания Октябрьской Революции.

Крепче за учебу!

Теснее сомкнем свои ряды вокруг своего вождя—Коммунистической партии!

Будем всегда готовы выйти по зову Советского правительства на защиту строющегося социализма!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная армия!

Да здравствует 24-я Самаро-Ульяновская Стрелковая Железная дивизия!

Начальник лагерного сбора—Комдив 24 **Данненберг.**

Военный комиссар лагсбора 24
Военкомдив 24 **Горин.**

Вр. Начальника штаба **Озеров.**

Репин Василий Иванович 1887 года рождения. Рабочий-позолотчик по дереву. Член ВК.П (б.) с 1908 года, был при царском строе в тюрьме и ссылке. Во время гражданской войны тов. Репин находился на командных и политическ. должностях: Командира взвода, Ком. баталиона, Комиссара Дивизии, Корпуса. По окончании курсов усовершенствования Высшего Нач. состава назначен Командиром и Комиссаром 70-го полка.

Топчин Константин Семенович, крестьянин Екатеринославской губ. Окончил школу прапорщиков в 1916 г. и Высшую повторную школу в Харькове в 1923 г. В Красной Армии добровольно с октября 1917 г., в должностях: Ком. полка, комбата, помкомполка. Участвовал в боях против немцев, Петлюры, Махно, Деникина, Белополяков. 5 раз ранен. Награжден Орденом Красного Знамени.

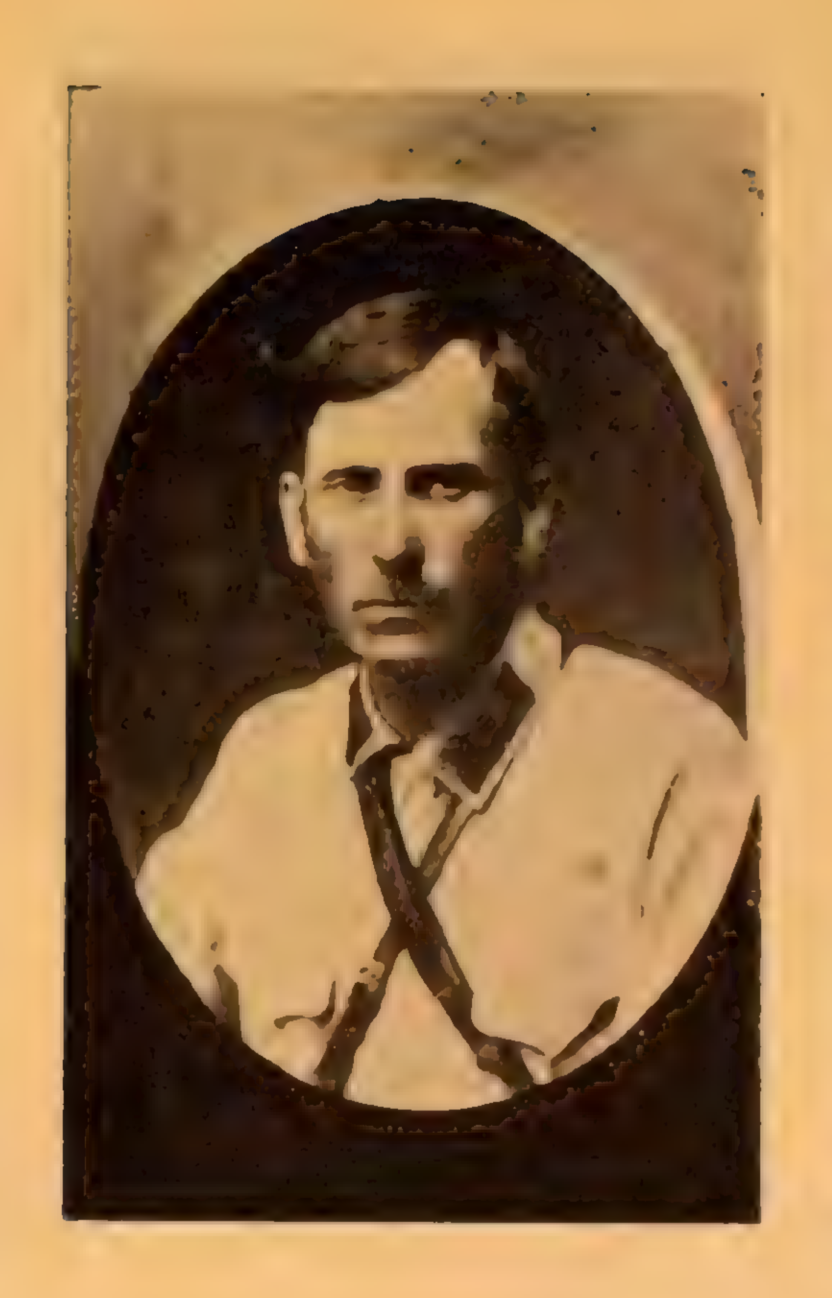
Клява Карл Юрьевич, по национальности латыш. Уроженец Курляндской губернии. Окончил Педагогические курсы Высшей Тактической Стрелковой школы им. Коминтерна в 1924 году. Член В.К.П.(б.) с 1916 года. За непредставление свидетельства о политической благонадежности недопущен к экзамену и исключен из Гатчинской школы прапорщиков. В Красной Армии с февраля 1918 года. Занимал должности Начальника Красногвардейского отряда, казначея полка, комбата и Начдившколы. Участвовал в боях против Белоэстонцев, Балаховича, Юденича и Белополяков.

Сейчас командир и комиссар 72-го Ленинградского полка.

Шмерлинг Лазарь Абрамович уроженец г. Мариуполя, Донецкой губернии, рабочий—клепальщик и штамповщик. Член В.К.П.(б.) с 1920 года. В Красной Армии добровольцем с 1919 года на должностях красноармейца, политрука, Нач. Уч. Распред. части Подива. Принимал участие в боях против Деникина, Белополяков, Шкуро, Петлюры, Гальчевского.

Сейчас—военный комиссар 71-го полка.

Скрибов Иосиф Казимирович, уроженец Волынской губ., Ковельского уезда. Окончил Константиновское Артиллерийское училище в 1910 году в Ленинграде. В Красной Армии тов. Скрибов с мая 1918 года, на должностях: Командира батареи, Дивизиона, Коменданта крепости, Начальника артиллерии корпуса. Участвовал в боях против Деникина :: Врангеля. За умелую и энергичную работу по созданию боеспособных частей Красной Армии 3-й Кавказской Стрелковой Дивизии, получил от ВЦИК'а благодарность и серебрянные часы.

Сейчас тов. Скрибов командует Артполком 24 дивизии.

Семенов Василий Дмитриевич. Рабочий—бондарь. Окончил начальную школу и Московскую Высшую Педагогическую школу в 1923 году. Член В.К.П.(б.) с 1917 года. В Красной армии с февраля 1918 г. Участвовал против Краснова и в подавлении Кронштадского мятежа. Приказом по Армии западного фронта награжден орденом Красного Знамени.

Сейчас—военный комиссар Артполка 24.

Депутатов Илья Артемович—красноармеец 70-го полка 24-ой Дивизии, родился в 1904 г. в крестьянской семье с. Мало-Шеменского, Тетюшского Кантона, Казанской губернии.

В семь лет тов. Депутатов поступил в сельскую школу, где проучился 2 года.

До 12-ти лет он работает в хозяйстве отца, а после этого поступает учеником в Лафузовский завод в гор. Казани

В 1923 году тов. Депутатов работает в Надеждинском чугуно-литейном заводе. В сентябре 1926 года тов. Депутатов по призыву попадает в Красную Армию, где проявляет себя дисциплинированным, сознательным, образцовым во всех отношениях бойцом.

При наборе в полковую школу младшего комсостава он поступает туда курсантом.

На 4-ом С'езде Советов СССР тов. Депутатов избирается кандидатом в члены Центрального Исполнительного Комитета.

МИРНАЯ УЧЕБА.

После окончания гражданской войны дивизия не сразу приступила к мирной учебе. Желто-блакитные банды Петлюровцев, рассыпавшиеся по глухим углам Подолии, терроризировали местные органы власти, убивали коммунистов и активных незаможников, сжигали общественные помещения, взрывали мосты и железные дороги.

Дивизия, придя на Подолию, вынуждена была вести упорную борьбу с этими бандами.

Настойчивость, энергия и неустрашимость бойцов сделали свое дело: банды были разбиты и трудящиеся Подолии приступили к мирной работе, а дивизия взялась за учебу.

После первой демобилизации в ряды дивизии влились свежие силы. Началась тяжелая и кропотливая работа по обучению новых кадров, по переподготовке начальствующего состава, по усилению военно-технической мощи дивизии.

За несколько лет мирной учебы дивизия пропустила через свои ряды тысячи молодых рабочих и крестьян, которые, научившись военному делу, подняв свой политический и культурный уровень, влились в свои родные села и города, как сознательные, передовые работники.

Красноармейцы и начальствующий состав дивизии, помня боевые традиции дивизии, перенесли их на мирную учебу.

Задачи, выдвигаемые перед Красной армией коммунистической партией и советской властью, дивизия всегда старалась выполнить, как можно лучше.

Так было с вопросом дисциплины, отношением к военно-политической учебе, поднятием стрелковой мощи. В ответ на происки твердолобых лордов и их лакеев, усиленно подготовляющих войну против СССР, дивизия поставила задачу—быть в первых рядах по стрелковому делу, в наибольшей мере укрепить свою тактическую подготовку.

К 9-й годовщине эти задачи были в основном выполнены.

Но все-ли это?—Нет.

Будущая война будет не легкой, гораздо труднее прошлой гражданской, ибо капиталисты знают, что Советский союз голыми руками они не возьмут и усиленно готовятся.

Вся Рабоче-Крестьянская Красная армия и в частности наша 24-я дивизия должны на подготовку врагов ответить еще большей сплоченностью, еще большим напором на укрепление дисциплины, стрелковой и тактической мощи, политической сознательности.

Это особенно должно помнить пополнение, которое ежегодно вливается в дивизию.

Пополненцам нужно в первые же месяцы пребывания в дивизии настолько овладеть военными и политическими знаниями, чтобы с честью продолжать в случае нападения врага славную боевую историю дивизии.

На фронте учебы.

Состязательные стрельбы.

Спортвыступления полковой школы 72-го полка.

Спортивные состязания.

Взрыв фугаса.

ГЕРОИ УЧЕБЫ.

Ежедневная военно-политическая учеба требует большой настойчивости, любви и старания.

Красноармейцы 24-ой Дивизии честно выполняют свои обязанности бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Об этом свидетельствует не только проводимые ежегодно проверки, лучше всего это подтверждается результатами лагерной учебы.

Но среди тысяч бойцов выделяются отдельные товарищи, которые являются образцом, примером для всех остальных красноармейцев. Имена всех этих героев учебы должны быть отмечены в годовщину Дивизии.

Пейчев Василий Христофорович, 1903 года рождения. Болгарин по национальности, беспартийный, родом из Крыма. За пребывание в армии тов Пейчев проявил себя, как лучший красноармеец. Он не имел ни одного дисциплинарного взыскания.

Кроме образцовой учебы, тов. Пейчев принимает активное участие во внешкольной работе и общественных организациях. В Мопре он выполняет обязанности ротного уполномоченного

Вишневский Владимир Николаевич—Хим. Инструктор 1-ой роты 70-го полка. Тов. Вишневский, усвоив хорошо химию, принимает все меры к передаче своих знаний красноармейцам. С этой целью он проводит беседы, применяет практическое влияние газов и руководит кружком природоведения

Тов. Вишневский не имел ни одного дисциплинарного взыскания за 2 года пребывания в армии.

Тов. Вишневский один из лучших стрелков. За время руководства ротной библиотекой т Вишневский добился такого положения, что все красноармейцы в роте состояли подписчиками на газеты.

Чурбанов Алексей Федорович—беспартийный крестьянин, незаможник, в армии с 1926 года, с октября месяца. За время своего пребывания в армии тов. Чурбанов, несмотря на малограмотность, идет впереди остальных красноармейцев. На тактических занятиях тов. Чурбанов добросовестно выполняет все возложенные на него обязанности. Не было еще ни одного случая, чтобы кто-нибудь сказал что нибудь плохое про тов. Чурбанова.

Изосимов Сергей Ильич—крестьянин, незаможник. Рождения 1904 г. Хорошо политически развит и дисциплинирован. Имеет большое желание к изучению военного дела и в своей работе добился значительных результатов. Теперь он один из наилучших стрелков.

Тричов Петр Пантелеймонович—его в 71-м полку зовут „патриотом“ пулеметного дела. И действительно, тов. Тричов сроднился с пулеметом. За хорошую стрельбу тов. Тричов имеет значок. Кроме военного дела тов. Тричов также интересуется политической жизнью.

Тов. Тричов крестьянин, незаможник.

Тимофеев Андрей Емельянович. Наилучший красноармеец пулеметной роты 71-го полка. За работу в Красной Армии имеет три благодарности. Очень хорошо стреляет из пулемета.

Таранец Иван Феофанович—крестьянин, член Л.К.С.М., т. Таранец хорошо усвоил задачи комсомольца в Красной Армии, быть образцовым красноармейцем и прилагает все силы к тому, чтобы быть таким. За два года пребывания в Красной Армии не имел ни одного дисциплинарного взыскания. Тов. Таранец имеет благодарность за хорошую стрельбу.

Штрабель Адольф, курсант полковой школы 72-го полка. За время пребывания в Армии, выявил себя как один из сознательных, дисциплинированных и образцовых в военной учебе красноармейцев. За свою работу пользуется большим уважением среди курсантов. Наилучший стрелок.

Лапин Григорий. Лапин принимает все меры, чтобы овладеть знаниями бойца, не только на занятиях, но еще много работает также вне школы. Для того, чтобы стать лучшим стрелком, тов. Лапин принимает активное участие в работе стрелковой группы. Цели своей тов. Лапин достиг. Теперь он один из лучших стрелков.

Турандин Илья. Красноармеец 8-й роты 72 полка. За время своего пребывания в Армии не подвергался никаким взысканиям, наоборот свои обязанности выполнял с величайшей честностью, благодаря чему тов. Турандин стал одним из лучших красноармейцев в полку и пользуется авторитетом среди своих товарищей.

Власов Павел, телефонист 1-ой батареи артиллерийского полка. Тов. Власов один из лучших телефонистов в полку. Не только потому что он хорошо знает свое дело—тов. Власов пользуется большим уважением, как дисциплинированный, знающий красноармеец, который все свое время уделяет для повышения своего военного и политического уровня. Артиллерийский полк отмечает еще тов. Власова за хорошее отношение к лошадям и вообще к государственному имуществу.

Шевченко Петр—на военной службе с ноября 1926 года. Тем не менее за это время успел себя проявить, как образцовый красноармеец, который следит не только за тем, чтобы самому хорошо учиться, но зовет к этому и своих товарищей, помогая им чем может. За образцовое исполнение своих обязанностей тов. Шевченко имеет благодарность от командования полка, дивизиона и батареи.

Как примерные красноармейцы в артиллерийском полку отличаются еще т. т.: **Басин Григорий, Воротилин Нестор и Синельников Петр.**

БОЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Сын красноармейца.

Мама, в окно погляди поскорее:
Видишь, как стройно шагают полки.
Кони гарцуют, гремят батареи,
Ярко сверкают на солнце штыки.

— Сын. То Железная дивизия наша
Бодро идет сокрушить Колчака...
Дай подниму я тебя: там—папаша,
Пусть из окна он увидит сынка...

— Мама, гляди... Вот—знамена, плакаты...
Что за толпа, как все стройно поют...
— Это—коммуны всемирной солдаты
С гимном свободы на подвиг идут.

— Мама. Куда вереницею длинной
С песнями юноши эти спешат
— Сын, то—курсанты из школы партийной
Дружно спешат на призывный набат.

— Мама, неужто бойцы неустанны...
Как этих первых бойцов имена...
— Прежде звались они, сын, партизаны...
Армия ими гордиться должна...

— Мама. Но что эти сделали люди.
Славим за что мы их в праздника дни.
— Сын, средь огня пулеметов, орудий
Мощь красных армий ковали они.

— Мама. Должно быть их вера прекрасна,
Смерть не страшна им в священной войне.
— Сын. Если б жертвы их были напрасны,
Вольно б не жить нам в Советской стране.

— Мама. А что, если хитрой уловкой,
Враг преградит к светлой жизни нам путь.
— Сын. Подрастешь ты и меткой винтовкой
Хищникам злобным прицелишься в грудь...

— Мама... Ответь мне: стать взрослым мне долго.
Будешь ли рада, что сын твой—солдат..
— Сын мой... О сын мой... Будь рыцарем долга,
Пусть наши дети за нас отомстят...

— Мама. А если я смертью героя
С честью паду на почетном посту...
— Сын. Красным знаменем труп твой покрою,
Алые ленты в венок твой вплету.

В перегонку.

I.

Спаянная желанием победы, Красная армия неудержимо шла вперед.

Отдельные части соперничали в быстроте достижений. .

19-й год. Январь... Мороз леденит выжимаемые из глаз слезы. Резкий ветер змейками струит сыпучий снег.

Впереди Оренбург—опора атамана Дутова. Дутов зажат с запада 24-й, с юго-востока Туркестанской группой..

Цель—занятие Оренбурга.

Кто скорее?

Сметая по пути цеплявшегося за складки местности противника, не останавливаясь, 24-я проходит 120-ю версту. Бои упорнее на подступах к Оренбургу.., Некогда! Кто скорее?..

Стремительный нажим и.. на подводах, верхом, бегом, в 9 часов утра 24-я дивизия входит в Оренбург. Туркестанцев еще нет.

Довольны.

Через несколько часов входят Туркестанцы... Радостная встреча.

II.

Вихрем кружит ветер белую пелену снега... Вздымает с земли толстый слой, кружит падающий на землю... В нескольких шагах не видно человека.

Орудия на колесах... Уходят колеса в снег... Вытаскивают... Работают лопатами... Руками вытягивают... Спешат догнать, отступившего противника...

Станция Сары Орской железной дороги—конечная. Там белые сосредоточили вагоны с грузами, вывезенными из России.

На 12 версте стоят груженные вагоны. Надо успеть, чтобы не разгрузили, не растаскали...

Вызов бурану... Буран и мороз—не препятствие для Железной! Вперед!.. Кувандык!.. Сары близко!.. „Нажать".

Белые не успели взорвать вагоны с грузом... Заложили только динамит, шнуры протянули...

Добыча колоссальная.

III.

Южная група восточного фронта... Командует тов. Фрунзе.

Кто не знает тов. Фрунзе?

Лучшие дивизии в группе: Железная, Чапаевская и 31-я... Кулаками сосредоточилась дивизии...

Колчаковская армия злорадствует, взяв Уфу и продвигаясь к железно-дорожному узлу—Кинель...

Гордость Колчака—корпус генерала Каппеля... Полки одеты в новые английские мундиры, штаны, новые шинели...

„Братва... Новое обмундирование нам приготовили англичане!"

„Даешь!"

Сражение.. Упорное... И 600 человек пленных ..

Два-три боя, вагон с обмундированием, и дивизия почти вся в новом обмундировании.

Вперед!.. Не давать отдыха!..

Впереди река Белая.. Препятствие... Кто скорее переправится?..

Задержка.. Уфа взята чапаевцами.. Ай, ай!.. опоздали...

Даешь Белую!.. На лодочках батальон 215 полка...

Каширина Ивана кавалерийский полк—вплавь...

Прижали к Уральским горам.. Каппель бесится... Гонит в бой... Раненого его увозят в тыл...

Куда лезешь?.. Ведь это „Железная".

IV.

В горы!

Узкие тропинки... обрывы, скалы, крутые под'емы...

Здесь сорвалась в пропасть, бежавшая от нас батарея Каппеля...

Скорее через горы!..

27-я идет на Челябинск...

Железной занят Верхне-Уральск...

Скорее, скорее..

Ошиблись генералы в расчетах... Не ждали нас так скоро через горы.. опешили, когда дивизия свалилась с гор в Белорецкий завод...

— „Вы—генералы, полковники, а вас бьют оборванцы"—говорит Каппель своим пристыженным полководцам.

— „Это черти, отвечают генералы,—лезут там, где порядочные люди никогда не ходят"..

Просто—это „Железная".

V.

Стремительно вперед!.. Не успевают белые...

Перед Верхне-Уральском весь штаб 5-й дивизии попал в плен.

Разбираем бумаги...

Доклад Начдива 5 комкору белых. Читаем: „24-я Советская Железная дивизия весьма серьезная сила... Необыкновенная настойчивость и подвижность... приходится серьезно считаться".

Оценили... Для вас хуже—поздно поняли...

VI.

Западный фронт... Мозырьская группа наступает по левому берегу Припяти, а Железная по правому...

Все на Мозырь.. Кто скорее?

В перегонку...

Уже ночь... Останавливаться нельзя.

„Два батальона на подводы!.. Конные вперед!"...

Рысью, бегом... В час ночи—Мозырь наш... В три часа Мозырьская группа подошла... Но в город не зашла.—Обидно...

Как родился 1-й Симбирский.

Как только раздались первые выстрелы на чехо-словацком фронте, во всех городах России начались формирования добровольческих партизанских отрядов. Большей частью эти отряды формировались из необученных военному делу рабочих, которые, пройдя 2-х недельный курс обучения, выступали на фронт.

В июле 1918 года группа таких отрядов под руководством уже тогда известного и всеми любимого **тов. Гая**, будущего начальника нашей дивизии, двинулась против чехо-словаков со стороны Симбирска.

Чехи занимали в это время город Сызрань и Симбирск.

Наши отряды, двигавшиеся на Самару, были отрезаны. Но никто не думал об отступлении или о сдаче.

— Прорваться во что бы то ни стало!

Под деревней Исошные Ташлы мы встретились с чехо-словаками. Завязался бой...

Крепко держались чехи, но мы все же пробились к своим и остановились на ст. Майна.

Здесь начала формироваться наша дивизия. Формировал дивизию **тов. Гая**, который и был назначен ее начальником.

В наш полк вошли партизанские отряды: Тверской, Сенгилеевский, дружина левых эс-серов, Самарский коммунистический и 3-й Симбирский.

Первым батальоном командовал бывший учитель **тов. Анфилов**, 2-й батальоном командовал начальник лево-эс-эровской дружины **т. Устинов**.

В середине августа наш полк под именем 1-го Симбирского принимал участие в наступлении на Симбирск. Первое наступление было неудачно. Один полк не выдержал наступления белых, образовался прорыв. Офицерский отряд под командой тогда еще полковника **Каппеля**, зашел в тыл другому полку и заставил его отступить. Пришлось и нам оставить позицию. А были мы уж почти под самым городом.

На фронте наступило временное затишье. Воспользовавшись этим, мы спешно заканчивали формирование полка. По селам и деревням устраивались митинги крестьян и после этого начинался приток добровольцев, или же крестьяне устраивали добровольно мобилизацию.

На Игнатовской фабрике рабочие сами мобилизовали 5-6 лет и составили 3-ю роту 1-го батальона. Командиром роты был текстильщик —рабочий, **тов. Дудкин**.

Так понемногу формировался полк. Никто нам ничего не давал и не присылал, ни обоза, ни лошадей, ни пулеметов, ни винтовок, ни обмундирования, ни людей. Все добывалось в боях. Никаких отделов снабжения не было.

Снабжали нас или неиссякаемый отдел снабжения—крестьяне, или неприятельские склады.

8-го сентября мы опять пошли в наступление на Симбирск.

Если мы и на этот раз не возьмем его, сказал военком, то это значит, что мы не достойны звания „Железные".

Три дни продолжались упорные бои. Обе стороны сходились в штыки, но мы ворвались в город. Впереди, вместе с конной разведкой в'ехал в город на автомобиле **тов. Гая**, стреляя из ручного пулемета в белогвардейцев.

Белые в панике бросились к Волге, кто на баржах, кто на лодках, на бревнах, пробовали бежать на ту сторону, но многие погибли.

Мы захватили много оружия, снаряжения, обмундирования. Белые не успели даже эвакуировать пленных красноармейцев и советских работников, сидевших по тюрьмам. Все были нами выпущены, взяли винтовки и поступили в наш полк. Из этих пленных были составлены 7-я и 8-я роты 3-го батальона.

3-им батальоном стал командовать тов. Дедаев, бывший подпоручик, революционер (впоследствии зверски зарубленный в бою под деревней Таймасово в январе 1919 года).

В первых числах октября наш полк совместно со всей дивизией был переброшен под Самару,—город был нами взят. Население нас восторженно встречало. Те самые граждане, которые несколько месяцев тому назад осыпали цветами „освободителей белогвардейцев", чуть ли не плакали от радости при нашем приходе.

В Самаре закончилось формирование нашего полка.

Первое наступление на город Симбирск 16 августа 1918 г.

(из воспоминаний красноармейца).

Нашему полку, недавно сформировавшемуся и имевшему в своем составе всего два, да и то не полных, батальона, приказано было выступить с занимаемой позиции у раз'езда „Выры" утром, а к вечеру занять ст. „Охотничья" и село Ивановку.

Рассыпавшись цепью и выслав вперед дозоры, мы двинулись линией железной дороги по направлению к ст. „Охотничья". Немного сзади цепи, тяжело пыхтя, тихо двигался наш броневой поезд с орудиями, направленными вперед.

Дорога шла густым лесом, но люди шли в цепи ровно, не теряя связи друг с другом; пулеметчикам на руках приходилось тащить пулеметы сквозь густые заросли кустарника, но, несмотря на все трудности, красноармейцы бодро шли вперед, не замечая усталости. Наконец, вышли в открытое поле, пулеметы поставили на двуколки, которые ехали по дороге тут же за цепью.

Погода была ясная и теплая, жаворонки весело пели в небе свои песни, точно желая ими скрасить нашу боевую жизнь. Настроение у всех было какое-то радостное, веселое, точно все шли на прогулку, а не в бой, где многих из нас, может быть не станет. Иногда мимо цепи пробегал испуганнный заяц, и тогда из цепи раздавались веселые возгласы:

— Ату, косой, лови его, товарищи, лови!

Бедный заяц из всех сил пускался утекать вдоль цепи, но чем дальше бежал, тем больше становился шум и свист, а это еще больше страшило бедного зайца и он не знал, куда деваться и, метаясь из стороны в сторону, усиливал смех товарищей.

Веселый смех, шутки, говор не прекращались до самого боя. Но вот вдали показалась ст. „Охотничья", и наш броневик, остановившись, принялся за „работу"...

Снаряд за снарядом бросал он на станцию, нащупывая белых и потрясая воздух громовыми раскатами выстрелов. Сколько ни стрелял наш броневик по станции, ответа оттуда не последовало, и мы двинулись туда, решив, что неприятель без боя оставил ст. „Охотничья".

Не доходя полверсты или более до станции, наш дозор обнаружил, что неприятель окопался по буграм недалеко от станции. Не успел дозор еще вернуться и сообщить об этом, как белые засыпали нас градом пуль. Раздалась команда:

Цепь сто-о-о-й, ложи-и-и-сь. Пулеметы сюда!

Пулеметчики поспешно стали снимать с повозок пулеметы и выбирать удобные места для обстрела.

Окопались...

Солнце между тем, закатилось за опушку леса, заливая и провожая нас своими пурпурно-красными лучами, пробивающимися сквозь густые ветви деревьев, небо окрасилось в красный цвет, и казалось, что то кровь погибших и замученных братьев зовет нас отомстить за них.

Вот затрещали и наши пулеметы, (расположившиеся несколько сзади цепи на удобных позициях), посылавшие через наши головы тысячи смертоносных пуль в неприятельские окопы, вызывая там панику и сумятицу. Забухал снова наш броневик, осыпая белых горячей шрапнелью и вздымая вверх кучу земли, камней и осколков. Белые оооронялись, отстреливались; по всему было видно, что стрельбой их не

выбьешь. И вдруг громовое „ура-а-а“ раздалось, как вихрь, по долине. Соскучившись лежать, цепь поднялась, заколыхалась и неудержимой лавиной ринулась вперед. Рота, находящаяся в резерве, не вытерпела своей пассивности и тоже кинулась вперед, смешавшись с передней цепью.

Трудно описать то, что творилось в этот момент. Громовое „ура“, от которого воздух дрожал, смешивалось с треском пулеметов и грохотом орудий; все это сливалось в один гул, эхо которого далеко разносилось по окрестностям.

Неприятель не выдержал нашего стихийного натиска и кинулся бежать, бросая по пути пулеметы, винтовки, снаряжение, даже скидывая с себя шинели, гимнастерки, сапоги для облегчения; до того панично было их бегство.

И долго еще на нашем правом фланге трещали пулеметы и винтовки: то наши продолжали гнать остатки противника из села Ивановки.

После томительного дня ночь простерла свои мягкие крылья над окрестностью.

Мы окапывались у опушки леса и тихо делились впечатлениями дня.

СМОЛЕНСКАЯ БАТАРЕЯ.

Это было в 1918 году, в конце июля, у с. Тетюши. Мы наступали на Симбирск и выдерживали упорные бои с белогвардейцами.

Два дня дрались. Наконец, противник был сбит с позиции; он отступил на несколько верст. Наши цепи с двумя взводами нашей Смоленской батареи продвинулись вперед и заняли новую позицию. Мы же с 1-м взводом батареи и с 50 красноармейцами для прикрытия остались на ночевку на старой позиции.

Позицию мы считали недоступной, ибо местность тут была болотистая и река обогнула нас дугой.

Но... мы ошиблись в рассчетах. Утром проснувшись, смотрим—с трех сторон обложили нас белые. Одно спасение—прыгать в речку, а орудия увезти—нечего думать.

Все же мы не растерялись. По сигналу комвзвода, тов. Жаркова, быстро повернули орудия влево и начали расстреливать противника картечью в упор. С правого фланга заработал наш батарейный пулемет, а слева ездовые, рассыпавшись цепочкой, начали крыть из винтовок.

Огонь мы открыли сильный. Но белогвардейцы—пьяные и озверевшие—лезли на нас. То был 1-й ударный георгиевский батальон, состоявший из одних офицеров.

— Сдавай оружие, банда краснокожих!—кричали они нам.

Мы отвечали картечью. Но белые лезли вперед. Вот они подошли уже вплотную к передкам и со штыками бросились на ездовых—по нескольку человек на каждого.

В это время перестал работать пулемет: все пулеметчики были ранены.

Что делать? В плен сдаваться?—Никогда!

Ударить в штыки—штыков нет. У одного телефониста, т. Сацута (в Смоленской батарее большинство было литовцев) был штык. Он крикнул—„в штыки товарищи!“—и сам бросился на белых. Но не успел он пробежать и пяти шагов, как упал с разбитым черепом.

Тут пьяная офицерня еще яростней бросилась на нас. Нам оставалось одно—отступать к реке, расстреливая в упор наседавшего врага.

Мы разбились на несколько групп. Во главе одной группы в пять человек стал старший разведчик, мастер ночных налетов на белых тов. Мицкевич.

У него было несколько гранат, он начал -и гранаты полетели в офицеров, которые, стоя на берегу кучками, человек по 10—15, стреляли по переплывавшим через реку красноармейцам.

Белогвардейцы смутились было, но видя нашу малочисленность, сразу оправились и дали залп по нас. Трое, в том числе и т. Мицкевич, сразу упали. А мы перепрыгнули через плетень и спрятались в кустах смородины.

Несколько белогвардейцев бросились к т. Мицкевичу, тяжело раненому, но он выхватил револьвер и убил трех офицеров, пока его окончательно не пристрелили.

Белые продолжали преследовать остатки красноармейцев, отступавших к селу Юшанск, где находился обоз наших частей.

А командир взвода тов. Жарков, собрав тем временем остатки артиллеристов, рассыпал их в цепь и отстреливался от белогвардейцев. Он уже не мог кричать и командовать, так как от долгого крика потерял голос и только махал наганом.

Как раз в это время под'ехал тов. Гая и тут же, повернув автомобиль задом, начал обливать белых свинцом из своего пулемета. Красноармейцы воодушевились и с криком „ура“ бросились в атаку.

Тут уж „господа“ офицеры не выдержали и в страшной панике бросились бежать к мосту. Но гаевский пулемет их так метко резал, что никто не перешел мост. Белые в свою очередь, бросились вплавь,—но они были настолько пьяны, что большинство потонуло, остальных догоняли наши пули.

Победа осталась на нашей стороне. Мы взяли назад наши орудия и лошадей, а также пять пулеметов и много винтовок у белогвардейцев. Мы потеряли 11 убитыми и 9 ранеными. У белых, из батальона в 600 человек уцелело не больше 40 офицеров. Остальные потонули и были убиты.

За город Ильича.

„Особенно горячие бои идут за Симбирск—родину Ильича“.
(Из донесений).

Симбирск какой родной и близкий
Для пролетарских всех сердец...
Симбирск! Товарищи, в Симбирске
Рожден трудящихся отец!
Там колыбель вождя рабочих.
Симбирск, родивший Ильича,
Где юный Ленин дни и ночи
Страницы Марксовы уча,
Пути Труда векам наметил—
О, как, Симбирск, для нас ты светел,
Как дорог огненным сердцам!

* * *

Не быть там белым наглецам!
Симбирск отдать равно бесчестью!
Там места нет для палача...
И, пламенея красной местью,
Спасли мы город Ильича!

Н—та.

На Симбирск.

...9-го сентября вечером мы двинулись в поход. Настроение у всех было приподнятое; кругом песни звучали, с нетерпением ждали боя. На другой день утром пришли на ст. Майну, там же рассыпались в цепь и пошли дальше вдоль железной дороги. За нами двигался бронепоезд. Пройдя несколько верст, мы наткнулись на противника. Мы сбили его и погнали.

Ежедневно нам приходилось иметь с ними дело. Они ни шагу без бою не отступали. Жестокими боями мы брали каждую пядь земли. Так мы в три дня продвинулись всего лишь на 50 верст.

Некоторые пункты переходили по нескольку раз из рук в руки. Мы пулеметом меньше всего действовали, все время бросались в атаку на штыки.

Особенно горячо дело было под ст. Охотничьей. Нам пришлось наступать ровным полем. А впереди на склоне горы был лес. Там, на опушке, окопались белогвардейцы. И как только появилась наша первая цепь, ихний броневик открыл по нас ураганный огонь. Наша цепь бегом двинулась вперед. А белые, подпустив нас шагов на 200, начали обдавать нас из винтовок и пулеметов настоящим свинцовым дождем. Мы ответили криком „ура“ и бросились в штыки.

Много нас выбыло из строя, но мы их сбили и прогнали в лес. Они там успели опять сгруппироваться и при поддержке бронепоезда бросились на нас в бешенную контр-атаку.

Наша цепь, несколько раз меньше численностью, не выдержала и отступила. К счастью, нам на помощь подоспела вторая цепь; броневика же нашего не было, так как дорога позади нас была взорвана.

Соединившись вместе, мы вторично бросились в атаку. Этот удар был так силен, что белые сразу отступили; мы вторично заняли горку и, преследуя противника, двинулись в лес. Бой длился четыре часа, и мы их тут окончательно разгромили.

На другой день опять пришлось выдерживать кровавые бои. За этим лесом, около села Грязнушки, окопалась белогвардейская цепь человек в 500. Под прикрытием нашей артиллерии мы быстро двинулись вперед. Едва успели мы выйти на бугор, как появился белогвардейский броневик. Он врезался в нашу цепь и давай из орудий и пулеметов крыть по нас. Мы залегли в картошке—это мало помогло; кругом был кромешный ад. Тут небо с землей смешалось. Сплошная туча пыли и дыма висела над полем боя; грохот орудий, свист снарядов, трескотня пулеметов, крики и стоны раненых—все это слилось в один вой.

Прискакал командир полка тов. Воробьев, он отдал приказ двинуться вперед—под гору, ползком. Мы выбрались на гору и вздохнули:—поражений меньше стало; пули пролетали через нас.

Недолго пришлось отдыхать; собрались с силами и опять мы пошли в атаку. Противник не выдержал и побежал. Мы кинулись к их бронепоезду, окружили его со всех сторон и начали забрасывать гранатами. Бронепоезд стал медленно отходить, а тем временем мы перебили всю орудийную прислугу.

Много таких боев пришлось нам выдержать на подступах к Симбирску.

И за эти бои дивизия была названа „Железной“.

Вперед, на Бугурслан!

Таков был лозунг нашего полка, когда мы выступили из Самары— в октябре 1918 года.

Рота за ротой, стройными рядами, двигались мы под звуки „Интернационала“ и „Марсельезы“ к вокзалу. Большой длинной лентой растянулся полк. (Ведь 1.300 штыков—не шутка!).

За ротами пулеметы, батарея из 4 орудий, приданная к нам, величественно громыхала по каменной мостовой Самары. Сзади обозы, обозы и обозы...

— Прощай, Самара. Многие из нас не увидят больше тебя. Сложат они свои буйные головы в холодных степях за родную власть.

Поход.

Ясная осенняя ночь. Поезд остановился у моста через реку Кинель. Дальше ехать нельзя, так как мост взорван отступающими белогвардейцами.

Сгружаемся и идем походным порядком на ст. Кинель, где и ночуем.

На утро пошли вперед.

Неприятеля не было. Села и деревни мы занимали без боя, так как у белых не было сил для создания непрерывного фронта и они группировались по железным дорогам Самара-Бугуруслан и Самара-Бузулук, оставляя на флангах небольшие казачьи части.

Под селом Тростянкой мы столкнулись с казаками, но наш железный эскадрон лихим налетом выбил их оттуда. Казаки в панике отступили под крылышко своего броневика, который открыл по нашему селу сильный огонь из орудий.

Всю ночь бил по нас снарядами белый броневик, но напрасно. Мы прочно „уселись“ в селе.

Утром опять вперед, несмотря на то, что сзади нас остались белые. Ничего. Им скоро будет не до нас, 2-ая бригада, идущая на Бузулук, покажет им—*что значит красноармеец Железной дивизии.*

Позади нас на гор. Бугуруслан идут другие части, но они далеко отстали, так как каждый пункт им приходится брать с бою. И они еще верст 60 не дошли до Бугуруслана, когда мы уже были в 8-ми верстах от него.

У Бугуруслана.

По сообщению крестьян, в городе нет никаких войск. Все они впереди на позиции; только на станции Похвистнево стоит несколько эшелонов чехов да отделы снабжений...

2 часа ночи 23-го октября. Комната в доме священика села Кирюшкина. До города всего 8 верст.

У стола на котором кипит самовар, сидят наш комбриг т. Воробьев и командир полка тов. Мигин. Они допрашивают какого-то крестьянина, только что приехавшего из города.

— Ну, а как в городе, есть войска?—задает вопрос комбриг.

— Никого нет. Весь город прошел и никого не видел, даже у моста через Кинель не было караула. На станции, говорят, стоит эшелон чехов.

— А скажи-ка, в городе, что слышно про фронт, где чехи стоят?

— Жители болтают, что чехи стоят на ст. Похвистнево. Там их много, говорят...

— Ну, спасибо за сведения, можешь итти домой,—отпускает крестьянина бригадный.

— Утром 23-го октября Бугуруслан будет наш. а чехи будут отрезаны. Давайте действовать, обратился к нам товарищ Воробьев.

Решили разобрать железнодорожный путь, дабы отрезать путь отступления находящимся впереди чехам. Два батальона с рассветом займут город, а один будет в резерве. Вот и весь план.

Станция наша.

Светает. Выпал мягкий, пушистый снег. Холодно, даже уши зябнут. Внизу --видна станция, сзади—город, потонувший в предутреннем сумраке; тихо рассыпаемся в цепь и идем к станции. Там, по сообщению разведки, действительно стоит эшелон чехов.

Вот и он, эшелон. Тихо—очевидно спят... Паровоз наготове. Кто-то из наших не выдерживает и стреляет.

Чехи отвечают и поднимается стрельба. Громовое „ура" раздается в наших рядах. Мы бежим к эшелону.

Там подымается паника. Эшелон срывается под градом наших пуль и уходит.

Станция наша. Нам досталось несколько составов с продовольствием и один с обмундированием.

Теперь чехи у нас с 2-х сторон: с востока и с запада. Организовываем оборону—в сторону Похвистнево рассыпаем один батальон, а другой отправляем в город.

Белые со станции Похвистнево продвинулись до раз'езда Саврухи. Видно—дымят паровозы...

„Путь свободен, пожалуйте".

О том, что город наш, они еще не знают, но кажется, чуют недоброе, так как звонят все время по телефону и требуют чешского коменданта.

— Чешского коменданта нет, начальник станции у телефона. Что угодно?—спрашивает их комполка.

— Что у вас там такое? Все ли благополучно? Путь свободен?—спрашивают оттуда.

Свободен, пожалуйте,—отвечает мнимый начальник станции.

Принимайте поезда №№ 1325, 1811 у 1352—слышим оттуда.

Сейчас же устанавливаем батарею, чтобы обстрелять эшелоны, как только они подойдут поближе. В канаве притаилась цепь, пулеметы наготове.

Но белых почему-то нет... томительно проходит час, другой...

Вдруг слышим взрывы, показались клубы черного дыма и огонь на раз'езде. То белые зажгли эшелоны и очевидно ушли, воспользовавшись тем, что у нас фронт не сплошной.

На раз'езд появляется разведка. Она выясняет, что поезда с обмундированием, продовольствием и со скотом горят.

На станции никого нет.

Горит и поезд с боевыми припасами, снарядами, бомбами и патронами. Слышатся взрывы. К раз'езду близко подойти нельзя, так как беспрерывно летят осколки гранат и снарядов.

Жуткая картина...

На утро мы привезли оттуда все то, что удалось спасти от пламени: сахар, овес, яйца, масло; все остальное погибло в огне.

8 паровозов стояли со взорванными цилиндрами, станция разбита, телефонные аппараты сняты, все сожжено и разграблено...

Бугуруслан наш!

120 против 1800.

Это было в Оренбургских степях.

Уже три дня стоим на одном месте. Не слышно щелкания „Максимки“ и снаряды белых не „роют картошки“. Красноармейцы начинают нервничать.

— Чего мы бесцельно стоим на одном месте, уже давно прошли бы верст 80 и заняли б Оренбург, а то белые весь чай выпьют и нам не оставят.

— Приказа нет, говорят. что одна наша бригада немного отстала так ее и дожидаемся, урезонивали другие.

— А все же неохота мерзнуть без толку!—не унимались нетерпеливые.

А мерзнуть, действительно, приходилось. Зима остановилась все лютее, мороз все сердитее и злее, да ночь, глядишь, то палец кому откусит, или уши оторвет.

Но не долго скучать пришлось. Со стороны неприятеля появились какие то всадники, которые рассыпались по полю. Красноармейцы поняли, что это казачьи раз'езды.

— Наверное в гости захотели, ну что же, милости просим! Ребята приготовьте гостинца. А вы, пулеметчики, „Максимке“ в зубы ленту, чтобы можно было им шинельку прострочить.

— Это мы можем даже в двойную строчку, отвечали пулеметчики.

А дозоры казаков все увеличились, образовали уже цепь и продвигаются все ближе. По деревне начала бить их артиллерия. Уже одним снарядом разворотило угол одного дома.

Запахло боем.

Караулы и заставы принимают боевой порядок. Красноармейцы, находившиеся в деревне, выбегают и вливаются в цепь. Тащат пулемет,

Деревню занимал только один третий батальон не более 120 стрелков, а два батальона стояли в другой деревне, верстах в 7—8. Казаки видимо, зная это, все приближаются и уже завязалась ружейная перестрелка.

Слева у нас тоже появились раз'езды, стараясь обойти батальон. Позади первой цепи казаков двигается вторая, но более густая, а по дорогам двигаются целые колонны. Артиллерийский огонь все усиливается.

Положение создается серьезное, наступает более 1000 человек кавалерии с шестью орудиями на 120 человек пехоты.

Комбат посылает за поддержкой к командиру полка. Последний передает, что на поддержку выступает один батальон и мортирная батарея из 2-х орудий.

У нас в 3-м батальоне положение скверное. Много убитых и раненых. Два пулемета остались без прислуги, не хватает патронов, а цепи казаков подходят все ближе и ближе, и готовятся броситься в атаку. Уже на обнаженных шашках играет солнце. Стрельба артиллерийская и пулеметная адская. В деревне разрушено много домов, некоторые горят. Мы отошли к окраине деревни. В цепи осталось не более 50 человек.

Казаки уже заняли гумны и с обнаженными шашками приготовились к атаке. Еще миг и тысячное казачье уничтожило бы горсточку храбрецов.

Но в это время заработала наша мортирка. С десятком красноармейцев подоспел командир бригады, а с левой стороны, по колени в

снегу, бежит первый батальон. Красноармейцы, видя поддержку, а впереди своих любимых командиров, воодушевились и бросились в атаку на кавалерию. Заработали наши „Максимки“. Казаки двинулись. Вот они уже бегут кто куда, уже не колонной, а кто как может.

Впоследствии выяснилось, что на нас наступало три полка кавалерии по 600—700 сабель каждый. Наступление началось, благодаря приезду белого начдива. Командиры полков решили ему преподнести подарок—занять нашу деревню, где думали расположиться на ночлег. Деревня была богатая и квартиры хорошие.

Но сорвалось: казаки плохо расчитали свои силы и не учли самого главного, что дело не в количестве, а в качестве.

ПО МЕРТВОЙ ПУСТЫНЕ.

(Из истории ликвидации отрядов генерала Толстого).

Когда наш полк в 300—400 разутых и голодных красноармейцев выступил из аула Тас-Тудук, перед нами расстилалась необ'ятная, безжизненная Прикаспийская степь.

Куда не кинешь взор—всюду степь, волнистая, серая, печальная.

Впереди обоза шли красноармейцы. Многие без шинелей, в развалившейся обуви, некоторые совершенно босые.

Второй батальон шел головным. С ним командир полка. Вокруг любимого командира—красноармейцы. Шутки, смех, остроты. Командир идет пешком, посадив на коня разутого красноармейца.

Кто-то затянул „Интернационал“. Песню подхватывают, ее поет весь полк.

Пустыня прислушивается к песне. Давно, давно уже не видела солдат.

Шли, лет 70—80 тому назад по пустыне солдаты, но они несли сынам пустыне гнет; шли они с другими песнями, другими целями.

Вскоре мы подошли к аулу Тас-Тюбе, раскинувшемуся по берегу мутной речки Чингерлау.

Полтора-два десятки землянок с плоскими крышами были разбросаны чуть ли не на версту друг от друга. Ходили по дворам верблюды, но людей не было видно.

— Наверно опять тифозный аул. Здесь ночевка.

Мы вошли в землянку. Спертый душный воздух ударил в лицо Вся семья лежала вповалку в тифу, ни одного здорового.

Та же картина в других землянках.

Выбрали свободный уголок и кое-как разместились.

Хозяин дома—старый киргиз—уже поправлялся. Он немного говорил по русски (что не особенно часто встречается среди киргиз). Мы начали его расспрашивать о казаках. Он сообщил, что они отступают на Гарьев.

— Значит, завтра идем в поход.

* * *

Темная, холодная ночь спустилась над степью. Небо покрыто лохматыми тучами, ни зги не видно.

В заставе, выставленной на окраине аула, красноармейцы собрались в кружок. На повозке „Максим“.

Разговор.

— А дальше и аулов не будет. Степь и степь. Ни дороги, ни воды. Как пойдем-то?

Ну, а как они идут? Мы-то хоть наступаем, нам легче... А все-ж добить их надо.

— Про это я не говорю, добить то обязательно надо, а вот чем? В ротах у нас по 20—30 человек осталось, каждый день все новые и новые в окслодок уходят.

Ничего, товарищи, все уладится. Вспомним, как раньше воевать приходилось. Хуже было. Оренбургские морозы да бураны, когда однажды у нас из батальона целая четверть выбыла, все обморожены... Не доняли ветры буйные, не дорежет и осень черная.

Вдруг послышался выстрел.

— В ружье, скомандовал комзвод.

— Стой, кто идет?

Становилось светлее. Красноармейцы заметили приближающуюся массу.

— Это мы, казаки, сдаемся.

— Под'езжай по одному и клади оружие.

Сдается группа казаков. Под'езжают, бросают оружие, слезают с коней и отходят в сторону.

— Вот и весь 12-ый казачий полк.

— А где-же остальные?

— Много от тифа померло, офицеры не захотели сдаваться, отступают к Гурьеву. Многие бы сдались да боятся, у нас слухи распускают что вы пленных расстреливаете.

— Куда же ваши отступают?

— На Гурьев. Офицерство хочет к Деникину пробраться, только в Гурьеве придется сдаться или в море броситься.

Пленных увели в штаб полка.

* * *

Так кончался юго-восточный фронт...

Тиф—этот беспартийный враг—косил не только нас, он еще с большей силой обрушился на измученных, голодных, упавших духом казаков. Многие из них нашли себе могилу в широких степях, многие отлеживались по аулам у киргизов, от набега которых еще недавно крепости строили.

* * *

Из аула мы двинулись довольно оргинальным порядком. Подвод здесь небыло, люди устали, пешком итти нельзя было. Решили поехать на верблюдах.

Сколько было смеху, возни...

Вот группа красноармейцев безрезультатно пытается положить на колени верблюда.

— Чок-чок-чок—ласково упрашивают красноармейцы животное—ну, ложись, ложись.

Верблюд не думает ложиться.

— Ложись, чорт безобразный, ишь галифе то как расставил... Чок, чок, чтобы чорт тебя побрал.

Пришлось на помощь притти киргизу, и верблюд лег.

Красноармейцы сейчас же уселись, перекинув высокообразно свои вещевые мешки.

— Ну и хорошо же здесь сидеть, сидишь, словно в мягком кресле.

Караван выступил из аула.

Все красноармейцы ехали верхом. Даже в обоз впрягли верблюдов. Лошади, не прывыкшие к таким страшилицам, фыркали, шарахались в сторону.

— Сегодня нам боевая задача: прибыть в Джамбетинский аул Разведка-вперед.

Разведчики дали шпоры лошадям и исчезли.

* * *

Кошмарная была дорога. Попался нам небольшой караван беженцев, казаков и жителей, возвращавшихся обратно в свои станицы.

В повозках, запряженных едва передвигавшими ноги верблюдами ехали истомленные, уставшие женщины и мужчины. В некоторых повозках лежали трупы умерших от тифа и голода, детей и взрослых.

— Доездились, мрачно говорили красноармейцы. Сидели-бы дома, целы-бы были, а то офицерам поверили Думали, что резать вас будем.

Видно было, что красноармейцы жалеют этих темных людей. На добродушных лицах не было ни тени злобы.

Двигались мы вдоль небольшой степной речонки. Вскоре нам попалась еще более мрачная картинка, молчаливо говорившая об ужасах, творившихся в степи.

На берегу речки стояла повозка, а в ней на каких-то лохмотьях лежало два мертвых ребенка, а под ними мертвая женщина с выеденным волками боком...

Мы, видавшие виды похуже этого, видавшие разорванных снарядами людей, все-таки содрогались...

По всей дороге попадались трупы казаков и беженцев. Сколько полегло их здесь темных, обманутых!..

К вечеру мы заняли аул.

НА ГИРЬЯЛЫ.

Казаки, получив хорошую встрепку под Новочеркасской, наступать больше не решались. Зато у нас явилась охота их навестить.

Желание наше быстро исполнилось. Был получен приказ: „Сбить противника и двигаться на Орск". Штаб полка распорядился по батальонам. „С рассветом выступить для занятия станицы Гирьялы".

Настало утро. Небо не выспалось—хмурится, солнечный свет с трудом прорывается сквозь облака.

Бррр... холодно; мороз щиплет, снег под ногами поскрипывает: красноармейцы ежатся, пряча нос в воротники.

Посыпался снег с неба. Ветер спустился ниже и давай в снежки играть, закрутит поземку и в колонну бросает...

Кругом зарябило... А красноармейцы, сгорбившись, подгоняемые морозом, идут...

Чу... выстрел... пулемет затрещал...

Это, наверное, дозоры столкнулись с противником.

Остановка. До Гирьял осталось 4—5 верст.

Казаки выставили на дороге пулемет и начали нас обстреливать

Роты залегли в цепь.

Под'ехал военком.

— Во что бы то ни стало сбить пулемет!

— Слушаюсь!—отчеканил комроты 6 т. Сашин. Скомандовав „вперед", он пошел с несколькими красноармейцами на пулемет. Но через несколько минут отважного командира не стало: он пал, сраженный пулеметом. Последний раз еще крикнул:

— Вперед!

Смерть любимого командира и его последняя команда „вперед" зажгла красноармейцев. По пояс в снегу, задыхаясь, бросились с криком „ура" вперед. Пулемет был сбит в два счета. Казаки поспешно удирали в Гирьялы.

Началась артиллерийская перестрелка. Белые стали засыпать нас снарядами. Начался бой...

Пал уже один кр-ец, вот другой свалился, третий, четвертый.

А цепь все вперед. Никто не обращает внимания на то, что он шагает в снег по пояс. Спотыкаются кр-цы, падают и опять карабкаются в снежных сугробах, но упорно движутся вперед.

Позади цепи, черными пятнами на чистом снегу остаются убитые... А раненые, орошая снег кровью, переваливаясь с боку на бок, ползут к дороге.

Вот уж Гирьялы на виду. А в цепи положение скверное: все командиры выбыли—кто ранен, кто убит. Кр-цы, командуя сами собой, движутся вперед. В цепи то и дело слышится:

— Вперед! Не отставай! загибай к гумнам!

Подошел резерв.

— Ура-а! загремело кругом. Мы бросились в атаку на гумна.

Начался страшный бой. Каждый стог сена превратился в крепость. Из-за них казаков, как диких зверей, приходилось выбивать штыками.

Первые смельчаки ворвались уже в станицу. Казаки начали удирать.

А сзади мы их свинцовыми конфектами угощали...

Станица наша.

Казаки засели за станцией на горе. Первый батальон, переправившись по льду через Урал, ударил им во фланг и окончательно сбил их с последней позиции.

И казаки, сопровождаемые заунывным напевом ветра, удирали искать себе на ночь пристанища в другой станице.

А мы, подсчитывая захваченную добычу, размещались в Гирьялах.

В борьбе за Винницу.

Это было с 13-го на 14-е ноября 1920 года. Винница еще раз—и последний раз чуть было не сделалось временной добычей Петлюры. Кровавая опасность, как черная туча, нависла над ней. Свирепые казачьи орды есаула Яковлева (3-й Врангелевской армии генерала Перемыкина, штаб которой стоял в гор. Проскурове) находились верстах 3–5 от города. Им уже наяву мерещилась Петлюровская столица; они уже наслаждались еврейскими погромами, богатой „добычей", диким разгулом...

Отборная казачья дивизия противника 3-х полкового состава, в 1000 сабель, при 3-х легких орудиях и 6 пулеметах, наступала на Винницу. Есаул Яковлев пытался прорвать фронт и сделать в нашем тылу опустошительный рейд. Он сосредоточил свои силы (1-й Терской, 2-й Донской и 3-й Волчанский казачьи полки) на одном участке нашей 24-й дивизии - против Башкирской кавбригады, которая занимала села Селище, Майдан Борковский, Багриновцы, Кулыга и Сосны (около города Литина).

Здесь и начались первые стычки. Казаки стали наступать мелкими отрядами, как бы нащупывая наши слабые места. На первых порах башкиры отбивали все их атаки и сами переходили в наступление. Но это недолго продолжалось. Есаул Яковлев скоро пустил в дело боль-

шие массы кавалерии, подкрепляя их артиллерией. Башкирская бригада (несколько сот сабель), утомленная многими боями и переходами, с изнуренными лошадьми, не в силах была выдержать сильного напора свежих казачьих полков (они только что пришли из Польши),—и начала отступать.

Башкирская бригада занимала фронт на правом фланге 24 й дивизии и держала связь с 70-й бригадой (пехотной). С началом отступления она потеряла эту связь, и 70 бригада осталась в полном неведении о положении дел на правом фланге. Поэтому она не могла дать своим соседям никакой помощи и, сама того не зная, очутилась под фланговым ударом казачьей дивизии.

Но казаки наступали прямо на Винницу, тесня башкирскую бригаду. Башкиры дрались отчаянно, проявляя безумную храбрость. Но это не помогло. Казаки напирали всеми силами, ежечасно атакуя малочисленные и уставшие башкирские части. И, наконец, 13-го ноября ночью они очутились уже под самой Винницей, у с. Зарванцы (3—5 верст от города).

Положение стало критическим. В городе не было сил, чтобы двинуть их против казаков на помощь башкирам. Полки находились далеко —верстах в 50—70 от города. Все же штаб 24-й дивизии не свертывался, а продолжал работать со всей энергией.

Наскоро были подняты на ноги команды и учреждения. Но много ли бойцов тут наберешь? Комендантская команда, команда по сбору оружия и часть дивизионной школы—человек полтораста, двести—вот те силы, на которые опирался штаб дивизии при охране Винницы.

Гражданские учреждения встревожились и стали выезжать из города.

В самом деле, положение было тревожное, неопределенное.

— А вдруг возьмут город?

Штаб дивизии привел в движение все колесики своего апарата и решил работать до последней возможности, а в крайнем случае вооружить всех сотрудников дивизионных учреждений и отстоять город во что бы то ни стало. Настроение у всех было приподнятое, боевое. Сила воли напрягалась до крайности, нервы натянулись, как проволоки. Каждый знал свое место и работал без понуканий.

Телеграф стучал беспрестанно; шли разговоры по телефону. Люди сновали, как пчелы в улье. Одни приходили, другие уходили. Одни приносили донесения, другие ждали распоряжений, третьи отдавали приказания. Штаб превратился в бурлящий котел: все двигалось, все стучало, все вертелось. Жизнь била ключом.

И во всей этой сутолоке, в этом море говора, шума и беготни царила не растерянность, а глубокая уверенность в своей силе, единое желание:

— Отстоять Винницу!

Мрачная осенняя ночь окутывала город; время от времени хлестал мелкий дождь; лужи жидкой грязи стояли на улице.

Казаки остановили наступление, очевидно, до утра.

Тем временем штаб (12-й кажется) армии передал, что недалеко от Винницы передвигается 17-я кавалерийская дивизия и дал приказ использовать ее для ликвидации прорыва.

Но в каком селе она остановилась на ночевку?

Помчались автомобили по разным направлениям... Наконец, нашли. она остановилась в селе Писаревка.

Выяснив положение, 17-я кавалерийская дивизия быстро двинулась в поход, обходя Винницу через Стрижевку.

На другое утро, 14 ноября, наши части перешли в решительное наступление.

Казаки не ожидали такого напора. После недолгой схватки они обратились в бегство. Наша кавалерия преследовала их по пятам, а 70 бригада напирала с левого фланга, чтобы отрезать им путь отступления.

Казакам дорого обошлась попытка занять „петлюровскую столицу"; они еле-еле вырвались из кольца и скрылись в Польшу.

Винница была спасена.

ПО СЛЕДАМ ГАЛЬЧЕВСКОГО.

(Из воспоминаний).

Рыскали мы, разведчики 71 полка, по Подолии из села в село, из уезда в уезд, а банда Гальчевского нам не попадалась. Ворчали разведчики:

— Чтоб тебе пусто было, гадина!

Слухи ходили сказочные. Говорили, будто Гальчевский имеет 500 сабель—„страшену кінноту", будто у него не люди, а черти: так сквозь землю и проваливаются, а отчаянные—хоть в огонь и воду.

Это кулаки старались запугать красноармейцев и деревенскую бедноту, что им, впрочем не удавалось. Мы неутомимо гонялись за бандой, но Гальчевский все ускользал и уклонялся от нашего удара.

Такой напрасной погоней был особенно недоволен начразведки, тов. Каша. Мадьяр, он по натуре своей очень горяч и отважен. Он весь кипел злобой и рвался вперед, чтоб уничтожить Гальчевского. Часто он жаловался.

—„Что этой банда ни попадают у меня?! Жалка—кони даром гонаим, а его ни поймем".

Тянулось это долго. И, наконец, случилось вот что.

Была темная ночь. Наша конная команда расположилась на ночевку в двух селах. Спать не спали, все были на готове—одетые, вооруженные. Лишь наиболее уставшие клевали носом, или, как выражались разведчики, „рыбку удили".

Вдруг в конце деревни послышался топот.

Кто-то мчался во весь опор. То прискакал разведчик из другого села с донесением:

Гальчевский напал на первый взвод! Встрепенулись разведчики.

— По коням!

И двинулись рысью в темную муть ночи.

Ехали молча, только изредка прорывалась злоба.

— Эх, сволочь!

К селу под'ехали шагом; спешились. Тов. Каша не говорит, а расплавленную сталь выливает из груди:

— Товарищи! Банда забрал у нас 13 коней; 12 всадник вернулся, а 13 судьба неизвестный. Нам нада перебить эту сволочь. Мы покажем ему, как нападать на нас.

Тихо поползли мы по улицам села, по клуням и огородам. Но бандитов не нашли. Только своих всех собрали. Оказалось, что банда увела только лошадей: разведчики попрятались и остались живы.

Собрались на площади и подсчитали силы: 40 всадников и 30 пеших итого—70.

Тов. Каша нахмурился...

— По коням!

Справа рядами марш! Погнались по свежим следам. Ехали рысью, но тихо и с опаской. Напрягали слух и зрение. Тов. Каша ехал впереди, отыскивая след.

— Тыше, клопцы! Банда близки. Винтовка, шашка—на готовь!

Дрожат кони, прядут ушами; сердце у самих колотится. В жилах приливает кровь. Руки впились в винтовку и шашку..

Кашу с двумя разведчиками проглотил лес—поехали искать банду. Остальные замерли на опушке...

— Трах-та-рах!

Тишину стегнуло два выстрела. Банда обнаружилась под боком— в лесу.

Нас 40 человек (пешие остались в селе), их—300.

— Слава! слава!—заскрипели нестройно, как тысячи немазанных колес, бандитские глотки.

Наши не дрогнули и, дружно прокричав ура, легкой рысцей двинулись навстречу банде, стреляя на ходу. Заработали наши пулеметчики—справа и слева. Первые бандиты свалились с лошадей.

Горячей работает пулемет, мы—все вперед. Бандиты не выдержали и в панике стали удирать в лес. Гальчевский пытался было остановить свою „страшенну кінноту", выхватил наган и с группой бандитов бросился на нас.

Ему навстречу помчался тов. Каша. Гальчевский назад—побоялся дуэли с т. Кашей и... в лес.

На месте осталось пять убитых бандитов и один раненый.

Мы пустились вдогонку и преследовали банду целый день. За этот день мы сделали 120 верст и пять раз выдержали атаку бандитов--и каждый раз их рассеивали.

За этот день мы отбили всех своих лошадей, захватили канцелярию бандитского штаба и рассеяли половину банды. Мы же потеряли убитым только одного разведчика.

С тех пор Гальчевский слабел с каждым днем.

КРАСНЫЕ СЕСТРЫ-ГЕРОИНИ.

Гражданская война. создав причудливые бытовые условия и вызвав к жизни новые сильные характеры, создала своеобразный тип сестер милосердия-пролетарских сестер, одушевленных жаждою подвига и разделяющих с красными бойцами все лишения походной жизни.

Это -не холеные и намалеванные, в щегольских лакированных ботинках высокомерные сестры милосердия земских и городских „Союзов", сестры для офицеров и буржуазных сынков, не стеснявшиеся у кроватей раненых солда. прежней войны открыто выражать свое отвращение к „хамам" и к мужикам, от которых пахло потом, деревней и махоркой.

Нет. Стриженные и одетые по-мужски, в смушковых красноармейских папахах зимой и серых шинелях, в грубых сапожищах. делающих неуклюжими их хрупкие фигурки, красные сестры милосердия беззаветно и горячо посвятили всю свою молодость и энергию святому делу помощи той самой „серой скотине", простому серому герою, от которого с презрением отварачивались их буржуазные „коллеги".

И как трогательно и чутко отличают красноармейцы, какая из „сестриц" пришла на фронт так только, ради заработка или по недоразумению. и какая является его истинной товаркой по боевым переходам и опасностям.

Это наши, красноармейские сестры,—с гордостью и любовью обыкновенно говорят про последних красноармейцы, и в их фамильярных шуточках и прибауточках нет ни грубости, ни цинизма.

Видя, как безгранично и самоотверженно трудятся день и ночь эти скромные героини долга, видя их постоянно с собой в цепи, во время наступления под градом пуль и снарядов, с ласковой улыбкой на запекшихся безропотных губах, с краской оживления на запыленных и давно не мытых щеках, видя их, бесстрашных, отрекшихся от личного счастья и теплого семейного гнездышка, чуют красноармейские сердца все величие их духа, всю их преданность делу пролетариата, из среды которого они сами вышли.

Дочери токарей, сапожников, ткачей, крестьян-середняков и прочих трудящихся, реже интеллигентки, порвавшие со своей средой,—они оставили свою обычную работу и устремились вместе со своими мгновенно сформированными рабочими полками и батальонами туда, на поля Сызрани, Самары и Симбирска.

Многие из них сопровождали красноармейцев-мужей, многие имели в соседних дивизиях женихов и нареченных, у многих мужья и братья томились в чехо-словацком или колчаковском плену.

В то время, как большинство из „офицерских" сестер были авантюристки или куртизанки, искавшие на фронте приключений, покровителя или мужа,—красные сестры не ищут приключений. Дома у них большей частью осталась многочисленная семья, нуждающаяся в пропитании.

Мозолистые руки этих „сестер-поденщиц", сестер-батрачек, привыкших к физическому труду, оказываются весьма ловкими также и тогда, когда приходится браться за винтовку и итти в атаку на противника; присутствие сестер-подруг на фронте скрашивает суровую обстановку боевой страды

Каждый красноармеец, не только раненый, но и здоровый, может рассказать вам о своих родных сестрах.

Мне хочется рассказать читателю о 3-х сестрах, которых я лично знал во время работы под Сенгилееми в Железной Дивизии. Это сестры: Озеревская, Шерман и Данилова.

Сестра Озеревская, находясь в Симбирском эскадроне, во время боя под ст. Майна, добровольно вышла из деревни на поле, где свистели пули и, не прячась, подходила то к одному, то к другому из раненых красноармейцев и делала всем перевязки. Помогая раненому выбраться из сферы обстрела, была сама тяжело ранена навылет в правое легкое, но имела силу доползти до деревни, где подобрана без чувств с раненым. Не успев оправиться, снова едет на фронт. Награждена за бесстрашие благодарностью в приказе по дивизии. Прежде работала на эпидемии сыпного тифа, который перенесла. Состоит сестрой милосердия с 1914 г.

Сестра Данилова—украинка из бедной крестьянской семьи, работала в партизанском отряде моряков Прохорова, откуда перешла в дружину тов. Устинова. Здесь выказала бесстрашие и неутомимость, работая все время под обстрелом неприятеля. Больная отступала из Климовки вместе с арьергардом дружины.

Много раз оказывалась в тылу у белых, но каждый раз благополучно выбиралась. После прорыва из под Сенгилея была сестрой 1-го Симбирского полка и вместе с полком двигалась на Симбирск, Мелекес и Бугуруслан. В приказе по Железной дивизии упоминается, как заслужившая благодарность всей дивизии. Имеет лестные отзывы многих врачей о своей работе.

Сестра Шерман Лия выросла в мещанской семье; еще будучи гимназисткой, интересовалась социальными вопросами и считала себя анархисткой. В 4-м классе была руководительницей кружка подруг. Когда чехи захватили Волгу, одушевленная неодолимым желанием помочь Советской власти, бросила гимназию и родных и бежала от опостылевшей домашней обстановки на Сенгилеевский фронт, где работала в качестве ротной сестры в отряде Самарских коммунистов, использовав свои небольшие познания в первой помощи, как бывшая волонтерка Казанского лазарета.

В бою под ст. Охотничья была контужена осколком шрапнели, но продолжала работать до окончания боя.

Все время ободряла красноармейцев, призывая их итти вперед и не подаваться панике.

При взятии Симбирска красными была в числе первых, вступивших в город. С передовыми частями нашей конницы вступила в Сызрань. Старые боевики—красноармейцы, и те удивлялись ее мужеству и хладнокровию во время боя.

ИЗ ДНЕВНИКА СЕСТРЫ ШЕРМАН.

Вот уже с неделю я работаю на пароходе и все еще не видала сестру Данилову, о которой так хорошо говорят. Сейчас на передовой линии за К. я часто думаю о ней. Ей хорошо. Она — в отряде тов. Устинова. Это очень боевой отряд. Они раскинулись в лесу возле села. Она—под открытым небом, а ночью высокие сосны шепчут ей чудные сказки. Сестра Данилова. Я представляю ее себе высокой, сильной брюнеткой, с бледным лицом и с большими печальными глазами. И часто ночью, лежа у себя в каюте, при тихом плеске волн я думаю: „О, неужели мне неудастся сделать хотя бы часть того, что сделала сестра Данилова". И, мечтая о великих подвигах, я сажусь к окну и смотрю на задумчивую красавицу--Волгу. Однажды часов в 12 ночи, к нашему пароходу подплыл маленький буксирный пароход. Это под'ехал отряд тов. Устинова.

Я узнала, что на пароходе—сестра Данилова. Не без волнения я пошла знакомиться с сестрой. Наконец я увижу ее, ту, которую столько раз хвалили, и которой восторгались при мне, ту, которую столько раз награждали благодарностью всей дружины

Я вошла в рубку их парохода.

Каково же было мое удивление, когда я увидела веселую блондинку, с большими карыми глазами, с вздернутым широким носом А когда она бойко и весело со мной заговорила со своим певучим хохлацким акцентом я совсем ошалела от удивления.

— Ах, так вот ты какая, сестра Лиза. В тебе—сила—и жизнь, в тебе энергия так и бьет ключом. Ты своею беззаботною веселостью заражаешь солдат и, смеясь, ты идешь на подвиг. Ты своими маленькими, ловкими, сильными руками в одно мгновенье успеваешь сделать перевязку, и с израненными ногами, смеясь над тем, что туфли бросить жалко, а надеть их нельзя, ты с туфлями в руках одна—одинешенька, босиком, отступаешь по берегу Волги.—

Но когда ты вошла в деревню, в которую через 10 минут должны были войти белые, вступавшие уже в противоположную окраину деревни, и увидела наших партизан, усталых и прятавшихся под столом, о, тогда не стало веселой сестры Лизы, тогда глаза твои стали гневными и влажными; тогда ты готова была убить этих трусов, тогда ты закричала резко и грубо:

— Ах, вы так... Вы вон какие... Вы боитесь чехов. Вы здесь остаетесь. Ну, а я иду...

И пристыженные партизаны один за другим поднялись и под грохот снарядов и треск пулеметов ушли из деревни за сестрой Лизой навстречу врагу, и поогнали его прочь.

Так вот она какая сестра Данилова...

* * *

После встречи с сестрой Лизой я уехала на фронт в Самарскую боевую дружину коммунистов. Я быстро сжилась со своими солдатами. Все были очень симпатичные, милые юноши. Мы стояли на опушке леса. Каждый день ждали мы наступления врага, бывшего неподалеку от нас.

Один старик—коммунист, бывший в дружине и часто беседовавший со мной, обыкновенно так кончал свой разговор со мной:

— Смотри, сестра, береги себя и зря не суйся под выстрелы... Ведь мы на тебя, как на мать родную...

Слыша такие речи от старика, я, чувствовавшая себя еще такой неловкой и юной, невольно улыбалась.

Во время нашей стоянки я подружилась с одним пулеметчиком.

Он мне нежно—задумчиво рассказывал о своей Украине, а я ему —о Нижнем.

Так бывало засидимся, углубленные в воспоминания; смотришь, а уже ночь пришла.

Расходимся: он—к пулемету, а я—в свою палатку.

Однажды нам приказано было пойти в обход противника

Собравшись два взвода и пошли. Итти было далеко. Накрапывал дождик.

Шли по мокрому вспаханному полю.

Мы с моим пулеметчиком тащили пулемет. Настроение у всех было приподнятое. Острили.

— Слушай, сестрица, ты совсем не боишься, а знаешь, ведь вот через пол часа нас может не стать...,

„Нет, весело мне... А почему,—не знаю,—отвечала я. Он пожал мне руку.

Мы пришли на место, расположились, ждали до утра; враг, заметив нас, тихо отступил, а утром мы ушли назад.

В этот же день я уехала на пристань за медикаментами.

На пароходе я задержалась.

Через неделю, когда я возвратилась в дружину и спросила, где пулеметчик, мне ответили, что он убит, и рассказали подробности. Оказывается он был ранен в грудь. Однако живым он сдаться не захотел и с пулей в груди побежал в сторону наших. Сначала бежал быстро, но силы постепенно оставляли его. За ним погнались, а когда нагнали, то докончили его штыками.

* * *

С сестрой Озеревской я встретилась в Инзенском лазарете, когда она уже выздоравливала после тяжелого ранения в грудь.

Взглянув на нее, я задумалась: откуда у нее брались силы таскать раненых красноармейцев, перевязывать их в суматохе боя, и, вообще, так работать, как она работала. А то, что она работала не из-за денег, не по обязанности, я знала от человека, который много раз говорил с сестрой Озеревской.

Низкого роста, худенькая, с маленькими руками и ногами, она была похожа на девочку—гимназистку; только крест на фартуке и косынка говорили о том, что она—сестра.

Но за то какие у ней были глаза. Большие темно-серые, с бесконечной добротою и грустью смотрели они на всех, столько в них было жалости и нежности... И, бывало, когда она заговорит своим тихим, слабым голосом, то хотелось смотрет на нее и слушать, слушать этот надорвавшийся голос.

Сестру Озеревскую очень любили красноармейцы.

Они никогда не говорили в ее присутствии грубостей и под ее влиянием сами становились нежными и мягкими.

Сестра Озеревская была ранена во время боя у ст. Майна, подходя к раненому затем, чтобы посоветовать не итти по той дороге, по какой он стал ползти, а пробираться с ней кругом, потому, что там казалось ей безопаснее пройти.

Она не успела досказать своих слов, склонившись над раненым, как шальная пуля уронила маленькую сестру.

Из горла хлынула кровь, но с помощью того же раненого, которому ей не суждено было помочь, она доползла до околицы, где ее узнали и с криком:

— Носилки! Наша сестрица опасно ранена...

Понесли в избу.

Когда она немного поправилась, она уехала на время домой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Телеграмма председателя ВЦИК'а бойцам 24-й Дивизии.

Товарищи, от имени Всероссийского Исполнительного Комитета Советов, от имени Всероссийского народа посылаю Вам горячий привет. Мы знали, что войны Социалистической Республики проявят беззаветную доблесть в самоотверженной борьбе рабочего народа. Мы уверены, что солдаты Советской армии будут неутомимы в преследовании противника. Честь и слава борцам за власть рабочих и крестьян. Вперед!

Москва, 11 сентября 1918 г.

Председатель ВЦИК **Яков Свердлов.**

Почетное знамя от ВЦИК'а.

30 сентября 1918 года Начштаба 1-й армии отправил Начдиву следующую телеграмму:

28 сентября в моем присутствии, т. Кобозев вручил Вам почетное знамя от ВЦИК'а.

Парад вручения знамени, и сопровождавшие его последующие дни торжества, еще раз подчеркнули Ваше имя и имя Вашей доблестной дивизии.

Еще много впереди работы, но я уверен, что и много еще славных дел дивизии.

От лица службы, благодарю Вас, Ваш неутомимый Штаб и Ваших храбрецов.

Пусть врученное знамя будет впереди Ваших молодцов и ведет их в победные походы

Вперед!

Начальник штаба **Корицкий.**

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СЛАВНЫМ

братьям—бойцам, героям—красноармейцам 24-й Самарской Стрелковой Железной Дивизии.

С вольных берегов Красной Волги горячий, задушевный пролетарский привет боевым сынам трудовой России.

С трепетным благоговением пролетариат Самары вспоминает геройские, незабвенные, военной славой покрытые, революционные подвиги своих любимых товарищей и братьев, которые в грозные для Великой Российской Революции минуты выступили на защиту и освобождение Красного Поволжья от чехо—эсеровских белогвардейских банд и, раскрошив этих врагов, остались под боевым стягом на всем протяжении гражданской войны.

Железная стойкость, несравненная отвага, образцовая дисциплина и массовые примеры редкого самопожертвования всегда отличали нашу родную дивизию и вели ее от одной победы к другой над зарвавшимися бандами белогвардейцев.

Но Вам не суждено было отдыха.

Когда черные тучи надвинулись на Западе Советской России, раздался тревожный набат—разнесся мощный боевой клич по пролетарской земле и Вы повернули фронт на Запад, чтобы нести освобождение западным братьям и прорубить революционное „окно в Европу".

И здесь новыми доблестными подвигами, не взирая на безчисленные тяжелые и дорогие жертвы, вы украсили вновь ваше Красное боевое Знамя.

Пусть же гордится тот, кто до сих пор, перенося все невзгоды красноармейской жизни и презирая смерть, находится в Ваших славных рядах, именуя себя солдатом 24-ой Железной Дивизии

Дорогие товарищи, братья!

Мы, Самарские рабочие очень и очень скорбим, что благодаря вечным опасениям перед новыми непредвиденными угрозами со стороны неокончательно успокоившихся наших врагов, вы лишены возможности вернуться к мирному созидательному труду на благо нашей Советской родины. Такова уже судьба освобожденного Российского пролетариата, которому приходится, будучи в капиталистическом окружении, строить свою жизнь и быть одновременно готовым каждую минуту к отражению новых нападений, быть готовым к новым страшным испытаниям.

Но раз это так, то будьте спокойны и уверены, что мы здесь в борьбе с разрухой утроим, удесятерим наши силы, чтобы обеспечить себе и Вам лучшее существование, что не оставим без призора Ваших семейств, что не порвем живой связи с нашими товарищами по борьбе.

Очень и очень мы были счастливы праздновать пребывание дорогих и желанных гостей—представителей Самарской Железвой Дивизии, подчеркнуть ту горячую и неизменную любовь, которую питают к Вам Ваши братья по станку.

Знайте, дорогие товарищи, что трудное время переживает ныне вся Самарская губерния где, благодаря прошлогоднему неурожаю, засухам и бандитским налетам ощущается острый продовольственный кризис и многочисленные недостатки и тяготы.

Верьте также, незабвенные товарищи, что Самарский пролетариат, который к глубокому сожалению должен пока органичиться одним только душевным напутственным словом от'езжающим гостям—представителям Самарской Железной Дивизии, несмотря на все эти временные затруднения будет честно и верно, как Вы на фронте, единодушно бороться с нашей разрухой до тех пор, пока вместе со всеми пролетариями России не доведет начатого великого дела до победоносного конца на благо изстрадавшейся Социалистической Республики.

Знайте, что хотя нас и отделяет большое пространство мы ни на минуту про вас не забываем и помним, что нас связывают лучшие братские узы любви и признательности.

Верьте, что Ваши Самарские братья ни на минуту не забывают и по достоинству оценивают Ваши великие дела и революционные заслуги за которые они ответят Вам дружной работой на фронте труда.

Мы бедны и ничего не имеем.

Но все мы, как один человек, Вас восторженно приветствуем посылая Вам наилучшие пролетарские пожелания и в знак отличия Вашей Железной Дивизии новое Красное Знамя, которое вдохновит Вас на новые геройские подвиги и которое вам придется, в чем мы глубоко убеждены, в недалеком будущем, водрузить на развалинах побежденного капиталистического мира.

Это наш единственный и скромный пролетарский подарок. Примите его славные братья.

С коммунистическим приветом и с пролетарской благодарностью
Самарский Губернский Исполнительный Комитет Советов.

Самарский Губернский Комитет Российской Коммунистической Партии.

Самарский Губернский Совет Профессиональных Союзов.

От С'езда Советов Тамбовской Губернии 24-й дивизии.

(Телеграмма Третьего С'езда Советов и Комитетов Тамбовской губ.).
от 27-IX 1918 г.

„Третий с'езд Советов и Комитетов Тамбовской губернии в единодушном порыве революционного энтузиазма, вдохновленный и гордый нашей славной победой, приветствует Вас славных защитников рабочих и беднейшего крестьянства. Да падут поскорее последние гнезда контрреволюции, как Казань и Симбирск.

Да здравствует Красная Армия и Советская власть.

Да здравствует РКП(б)".

Председатель с'езда **Жан Миллер.**

Поздравление Ардатовского Уездпрофсоюза.

„Ардатовский уездный профессиональный союз служащих советских учреждений получил радостную весть о взятии советскими войсками родного нам Симбирска, а также Казани, шлет вам всем, дорогие товарищи красноармейцы, свой искренний сердечный привет и пожелания дальнейших успехов в боях и борьбе с бандами противников советской власти".

Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта победителям Орска.

Симбирск 27 февраля. Реввоенсовет фронта просит Вас передать благодарность славным войскам Вашей дивизии, исполнившим при крайне тяжелых климатических условиях, двухсот верстный переход—перевал через Уральский хребет в южной его части и овладевшим Орском. Войскам 24-й Железной дивизии выдать месячный оклад содержания. Немедленно телеграфируйте имена и фамилии отличившихся красноармейцев.

Реввоенсовет: **С. Каменев, Смилга и Гусев.**

Письмо Симбирского Исполкома и Губкома РКП(б).

Всем красноармейцам, политкомам и командирам Железной Дивизии.

„Губком РКП(б) и Губисполком приветствуют Вас, дорогие товарищи, в день годовщины взятия Симбирска. Наша партия, сражаясь с международными империалистами видит, что в лице Вас она имеет могучую, несокрушимую революционную, боевую силу, которая разрушает на своем пути все препятствия.

Красная Железная Дивизия, которая шла все время весь этот год в авангарде освободительного движения от Колчака принадлежит в нашей революционной освободительной войне одно из первых мест. Мы выражая искренее признание великим подвигам Вашим, надеемся что Вы в дальнейшем будете также славно бороться за великие идеалы коммунизма.

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует советская власть!

Да здравствует непобедимая Красная армия!

Да здравствует Железная Дивизия!

С Коммунистическим приветом председатель Симбирского Губкома.

(Подпись)

Приветствие Верхне-Уральского крестьянского с‘езда.

„Железная дивизия освободивши нас от более, чем годичного ига белогвардейцев, дала нам, трудовым крестьянам Верхне-Уральского уезда, возможность свободно собраться и обсудить все нужды на с‘езде. За все это мы, представители трудящихся, приветствуем 5-ую армию в лице 24-й Железной дивизии, ее талантливых командиров и комиссаров. Мы торжественно заявляем товарищам красноармейцам 5-й армии что мы пойдем по первому зову в ряды Красной Армии.

Тех же красноармейцев которые остались в горах Урала, мы оплакивать не станем.

Начатое дело мы доведем до конца. Красное знамя, которое мы приняли из охладевших рук у нас никогда не отобьют.

Да здравствует Красная Армия и 24-я Железная Дивизия.

Первый Верхне-Уральский С‘езд.

ОГЛАВЛЕНИЕ: